

Господин начальник

Автор:

Иван Погонин

Господин начальник

Иван Погонин

Цикл повестей Ивана Погонина «Сыскная одиссея» рассказывает о жизни и службе полицейского надзирателя Осипа Тараканова. Начинается цикл с рассказа о том, как в 1906 году, в разгар первой русской революции, девятнадцатилетний Тараканов расследует свое первое дело. Происшествие происходит в уездном городе Кашира Тульской губернии. Совершено нападение на почтово-телеграфную контору, убит стражник, похищена большая сумма денег. В течение суток Тараканов раскрывает ограбление, но главарю банды удается уйти. С этого момента юный сыскной надзиратель начинает искать преступника самостоятельно, и поиски превращаются в настоящую одиссею...

Иван Погонин

Господин начальник

Экс

Кашира – уездный город Тульской губернии, на правом берегу реки Оки, на границе с Московской губернией, в 106 верстах от Тулы. Жителей в 1894 г. 5574 душ обоего пола (2762 мужчины и 2812 женщин). Каменных домов 70, деревянных 412. Церквей 7. Три врача, две акушерки. Больница на 18 кроватей. Училища мужское двухклассное, женское и епархиальное. Ярмарок 5. Фабрик и

заводов, обрабатывающих животные продукты, – 2, на сумму 550 руб.; растительные – 2, на сумму 750 руб.; ископаемые – 3, на 3040 руб. (кирпичные). Городские расходы за 1892 г. составили 16 242 руб. Каширский уезд – самый северный уезд в Тульской губернии. Границею с Московской губернией служит река Ока, имеющая здесь направление с запада на восток (от Серпухова до Спиридонова). Фигура уезда представляет собой неправильный ромб, или параллелограмм. Лесных площадей значительных нет. Озер значительной площади нет. Почва в уезде преимущественно глинистая; вдоль реки Оки – песчаная. В общем уезд принадлежит к числу наименее плодородных в губернии; поэтому количество населения, уходящего на посторонние заработки, здесь особенно значительно – 17 603 чел., что составляет по отношению ко всему населению (без города) – 20,9 % (наихудшее во всей губернии). Большое влияние на уход на заработки имеет также близкое соседство промышленных округов Московской губернии. Плохое состояние уезда выражается и в санитарных условиях его. Отношение числа родившихся к 100 умершим составляет для Каширского уезда 120, число, наименьшее во всей губернии. На каждую душу крестьянского населения приходится лишь по 1,7 десятины плохой глинистой земли. Недоимок на населении Каширского уезда числилось в 1890 г., т. е. еще раньше неурожайных годов, более 222 тыс. руб., причем за три предшествовавшие года они увеличились на 80 тыс. руб. Торговое движение главным образом по реке Оке. Ближайшие железные дороги – Московско-Курская в северо-западном углу уезда, в 45 верстах от города Каширы, и Московско-Рязанская, близ города. (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона)

Часть I

Провинция

Декабрь 1906 года

1

– Батюшка мой, царствие ему небесное, при крепостном праве родился и крепостным быть перестал, когда год ему исполнился. Только реформы

государя-освободителя дедову семью богаче не сделали. Надел у них уменьшился, а подати возросли – в батюшкиной родной деревне по выкупным платежам всегда большие недоимки были. Тяжело жилось, урожай-то в нашем нечерноземье какие? Редко когда выращенного до нового сентября хватало, обычно уже к Пасхе все подъедали. Недаром у нас полдеревни Таракановы. Такие фамилии у людей не от хорошей жизни. Да интересно ли вам меня слушать? Молодой человек посмотрел на попутчика. Разговор происходил во втором классе пассажирского поезда «Москва – Кашира». Рассказывал юноша в шинели Министерства внутренних дел с петлицами не имеющего чина, слушал средних лет господин в бобровой шубе, с ухоженной бородкой и роскошной шевелюрой каштановых волос. Других пассажиров в их секции вагона не было.

Оба сели в Москве, познакомились. Молодой представился канцелярским служителем Осипом Григорьевичем Таракановым, обладатель бобровой шубы назвался Лукой Ивановичем Тарасовым, коммерсантом. В Коломенском Тарасов достал из саквояжа серебряную фляжку и завернутые в бумагу бутерброды с осетриной и предложил чиновнику пропустить по маленькой. Тараканов отказываться не стал, внеся свою лепту пирожками с сигом. После Герасимово попутчики завели дорожный разговор, который обычно бывает весьма откровенным. Впрочем, говорил один Тараканов, коммерсант только внимательно слушал.

– Рассказывайте, рассказывайте, очень интересно, да и путь неблизкий. Рассказывайте, прошу вас!

– Ну так вот-с. От великих реформ отец мой все-таки попользовался. У нас, почитай, вся деревня отходничеством занимается, до Москвы-то сто верст всего. Вот и решил дед отца тоже в ученье отдать. С нашей волости обычно по кабакам да трактирам мужики служат, занятие прибыльное. Дед с одним таким земляком, который в московском трактире до буфетчика дослужился, сговорился, и, когда отцу десять стукнуло, стал в дорогу его собирать. Да только бабка запротивилась – любила она очень тятеньку, последыш он у нее. Выпросила у деда разрешения отцу дома до двенадцати лет побыть, мол, школу пусть окончит, грамотному всегда легче. Ну и стал тятенька учиться. И тут талант у него обнаружился: писал он красиво и грамотно, никогда ни одной ошибки не делал, ни в орфографии, ни в пунктуации. Врожденная грамотность. Мне этот талант, кстати, по наследству не передался. Учитель о таланте тятином на каком-то кутеже нашей сельской аристократии рассказал. Услыхал про этот дар волостной старшина, проверил батюшку да и взял его в волостное

правление писарем, прежний незадолго до этого замерз по пьяной лавочке. Положил старшина отцу трешницу в месяц, а он рад-радешенек – такие деньги в деревне богатство, тем более для паренька двенадцатилетнего. Дед об отправке отца в Москву и думать перестал – волостной писарь в деревне в то время был фигурой чуть только пониже рангом, чем Государь Император и становой. Ну и пошел батюшка в гору. До службы в армии в деревне на хлебном месте сидел, а после службы поступил писцом в полицейское управление и за труды и заслуги канцелярского служителя выслужил. Женился удачно, дед по материнской линии за мамашей пятьсот рублей приданого дал, а после его смерти мать моя дом унаследовала. Дом хороший, с горницей, теплый. А поскольку батюшка понимал, что своей хорошей жизнью образованию обязан, он и на мое образование ни сил, ни денег не жалел и с младых ногтей любовь и уважение к наукам мне привил. Я городское училище окончил и в реальное поступать собирался, но тут несчастье у нас произошло – умер папаша. Хватанул после баньки кваску холодненького, простудился да и умер. Схоронили мы с матушкой кормильца нашего и остались, как пушкинский старик, у разбитого корыта. Жил-то отец не скупясь, не кутил, не роскошествовал, но и в черном теле себя и нас не держал. Поэтому денег и не скопил.

Пошла матушка к нашему исправнику, в ноги ему бросилась. Пожалел меня Сергей Павлович и взял на службу, на батюшкино место. Три года я в полицейском управлении прослужил. А как смута началась, так моя карьера вверх устремилась. У нас все становые в отставку вышли по прошениям – боялись, что застрелят их анархисты-коммунисты или мужички на вилы поднимут. А нынешним летом в квартиру нашего полицейского надзирателя кто-то ночью из охотничьего ружья стрельнул. Надзиратель утра не дождался – из города убежал, а прошение об отставке по почте выслал, из Киева. Исправник меня на его место и поставил. Я пока должность исправляю, но жду приказа об утверждении.

– Стало быть, не боитесь?

– Боюсь, еще как боюсь. А куда деваться? Не мне такими предложениями разбрасываться. Я двести рублей в год получал, а теперь, с наградными и праздничными, почти семьсот!

– Да, – сказал коммерсант, едва заметно усмехнувшись, – деньги немалые.

– Ну, для столицы, может быть, и небольшие, а для нашей провинции хорошие. Кроме того, матушка коров держит, молоком торгует.

– И к рукам, небось, чего-нибудь прилипает?

Тараканов насупился:

– Если я вам сейчас скажу, что мзду не беру, вы, наверное, не поверите?

– Прошу прощения, но нет, не поверю.

– Что ж, переубедить не буду. Только вот что хочу вам сказать. У нас в городе и шести тысяч душ не наберется. Каждая собака тебя знает. Каждый друг другу – кум, сват и брат. Возьми я сегодня утром рубль, в обед исправник будет знать, на что я его потратил.

– То есть не берете, потому что начальства боитесь?

– Не только и не столько. Просто так ведь никто не даст, дадут за услуги. А как в пословице говорится, «Коготок увяз, всей птичке пропасть». Да и царева жалования мне хватает. Я холост, потребности невелики, за квартиру платить не надо, слава богу, свой дом имею. А на щи и кашу мы с матушкой зарабатываем.

– А не обрыдли ли щи с кашей? Не хочется ли пулярочки да икорки?

– Ну, икоркой мы с матушкой себя по праздникам балуем. Вот, кстати, купил в Москве дешево, по случаю. – Чиновник вынул из стоявшей на соседнем сиденье корзины полуфунтовую банку осетровой икры. – По мне, главное, чтобы совесть чистой была, чтобы спать не мешала. А крепкий сон человека с чистой совестью ни за какие деньги не купишь.

– Bravo! – Коммерсант захлопал в ладоши. – Если в России в полиции служат такие юноши, то не все еще потеряно. Только кажется мне, что таких, как вы, меньшинство. Или я опять ошибаюсь?

Тараканов покраснел:

- Позвольте мне на ваш вопрос не отвечать.

- Да воля ваша, не отвечайте. Тут и без вашего ответа все ясно.

Оба пассажира надолго замолчали.

В темном окне поезда замелькали металлические конструкции.

- Мост проезжаем, через пять минут прибудем, можно и на выход собираться. - Тараканов встал, застегнул шинель, нахлобучил на голову шапку и стал повязывать башлык. - Вы в наши палестины, я извиняюсь, по какой надобности? В гости к кому или по делам?

- По делам, к купцу одному вашему, условие заключать.

- А что на ночь-то глядя? Сейчас шесть с половиной, пока прибудем, пока до города доберемся - восьмой час, найдете купца-то? А то у нас улицы не освещаются.

- В гостинице переночую, с утра дела сделаю, да и обратно, - ответил, вставая и надевая котиковую шапку, коммерсант.

Паровоз, подъезжая к станции, дал пронзительный гудок, зашипел, сбрасывая пар, и остановился. Кондуктор открыл дверь вагона. На улице шел снег. Немногочисленные пассажиры вышли на платформу и разошлись по привокзальной площади: шубы и шинели стали кликать извозчиков, тулупы и сибирки, перекинув через плечи мешки, побрели пешком.

- Может быть, в буфет, пропустим по рюмочке? Мой черед угощать. - Тараканов указал рукой на два светящихся окна вокзала.

- Я бы с удовольствием, но не могу. Завтра дело важное, надо быть со свежей головой.

Тараканов явно обрадовался:

– Понимаю. Ну что ж, не буду настаивать. У меня, признаться, время тоже ограничено – дежурю сегодня, к восьми на службу. Но в буфет я все-таки зайду, буфетчику кой-чего в Москве купил по его просьбе, надобно отдать. Прощайте, благодарю за компанию.

– И вам удачного дежурства. Честь имею.

Тараканов хотел зайти в буфет и для другой цели.

Его матушка питье хмельной жидкости, мягко говоря, не приветствовала, и обнаружение ею от сына запаха коньяка сулило исправляющему должность полицейского надзирателя множество неприятных разговоров. А в буфете можно было и щец похлебать, и чайку с баранками напиток, не осталось бы от запаха и следа.

Случайные попутчики пожали друг другу руки и разошлись.

2

Хорошего дежурства не получилось. Тихий обычно городок в эту ночь буквально сошел с ума. В трактире купца Голохвостова случилась драка с поножовщиной, на Большой Посадской загорелся дом, а в поле у подгородней деревни Козловка жена нашла хладное тело мужа-выпивохи. Тараканов за всю ночь так и не присел и не притронулся к заботливо собранному матерью узелку с ужином. На рапорте у исправника он едва стоял на ногах. Но быстро домой уйти не удалось. Порезанный в трактире Голохвостова мещанин Иванов скончался в городской больнице, и исправник потребовал сегодня же передать дознание и задержанного за это преступление крестьянина Богатищевской волости Ивлева судебному следователю. Написанный ночью на скорую руку протокол исправнику не понравился, и он заставил Тараканова его переделывать. Пока Тараканов писал протокол, акт дознания и сопроводительные письма, исправник куда-то уехал, вернулся только через два часа, потом долго проверял собранный надзирателем материал. Лишь в три часа дня Тараканов получил благоволение начальства убыть домой. Он так устал, что даже не стал обедать, разделся, рухнул на кровать и уснул прежде, чем его голова коснулась подушки.

– Вставай, Осип Григорьич, вставай!

Тараканову показалось, что спал он не более трех минут.

– А? Что?

– Вставай, ваше благородие, беда у нас стряслась, исправник срочно требует.

Обычно красное и довольное, лицо старшего городского Гладышева было до того бледным, что Тараканов сразу понял – беда настоящая.

– Что такое?

– Почту ограбили, Осип Григорьич, Ваську Богачева, стражника, прибили.

После назначения Тараканова на классную должность городовые, которые до этого с канцелярским служителем были запросто, стали называть новоиспеченного «их благородие» на «вы». Тараканов этому не препятствовал.

Получив первый раз свое новое, многократно увеличившееся жалование, Тараканов в ресторане отметил назначение на должность с классными чинами, а на следующий день велел Гладышеву собрать всех свободных городских и прибыть вместе с ними к нему домой.

К приходу сослуживцев мать накрыла стол, главным украшением которого служила четвертная бутылка водки.

Когда гости расселись и налили рюмки, Тараканов поднялся и сказал:

– Я с вами, ребята, три года прослужил и надеюсь прослужить еще долго. А поскольку ничего плохого, кроме хорошего, я ни от кого от здесь присутствующих не видел, то должностью своей кичиться не намерен. Хотя я теперь и ваш начальник, но во фронт передо мной становиться не надо. Если, конечно, рядом исправника нет. Поэтому давайте договоримся: когда мы на службе, то я вам – «вы» и «ваше благородие», а когда вне службы и не на публике, то – «ты» и Осип.

И другим, кого сегодня нет, об этом разговоре передайте. Договорились?

Городовые одобрительно загудели, угостились, но и после этого называть Тараканова по имени-отчеству не перестали, да и честь ему отдавали, как положено. И только некоторые из них, самые старые, позволяли себе в отсутствие обывателей и начальства обращаться к Тараканову на «ты».

Тараканов вскочил. Судя по темноте за окном, поспать ему удалось гораздо больше трех минут. Висевшие на стене ходики показывали половину седьмого.

– А кто грабил, много ли унесли?

– Не знаю я почти ничего. Я с поста сменился, шел в управление подчасить, прихожу, а там нет никого. Один писец Андрюшка сидит. Я у него спрашиваю, где народ. Ну ты Андрюшку-то знаешь, он и в нормальном состоянии двух слов связать не может, а тут совсем растерялся. Еле я от него добился, что почту ограбили и все наши там. Я бегом туда. Прибежал, народу – уйма. Кудревич из почты вышел, велел нашим толпу подальше отогнать, меня увидел и приказал за тобой бежать. Скажи, говорит, Тараканову, что разбойное нападение учинено, Богачев убит. Я и побег. Более ничего не знаю.

Слушая городского, Тараканов лихорадочно искал свой сюртук и не находил его.

– Мама, вы куда сюртук дели?

В комнату, вытирая полотенцем руки, зашла нестарая еще женщина.

– Я его прачке отдала, постирать. Она обещала завтра с утра принести, тебе же сегодня на службу не надо.

– Мама! Сколько раз я говорил, что могут быть экстренные случаи, что надо прежде спрашивать! В чем же мне теперь идти?

– Так надень спинжак папкин.

– «Спинжак»? Вы в своем ли уме? Где вы видели полицейского в «спинжаке»?

– Ты как же это с матерью разговариваешь, мерзавец? – Женщина уже было замахнулась на сына полотенцем, но в последнюю минуту, вспомнив про городского, одумалась. – Надевай спинжак. Под шинелью не увидит никто.

– А если снимать где шинель-то?

– А ты не сымай, так сиди, авось не упреешь.

Сказав это, женщина развернулась и ушла.

Надзиратель и городской переглянулись.

– Вы и вправду пиджачок наденьте, Осип Григорьич, – переходя на «вы», сказал городской. – Мамаша ваша права, под шинелью незаметно.

Центральная – Большая Московская улица, – делила город на две неравные части. Начиналась она у Оки, шла по городу более версты и затем плавно перетекала в Стрелецкую слободу, которая, в свою очередь, превращалась в Веневский тракт. Все уездные присутственные места, в том числе и почта, располагались на Большой Московской. От дома Тараканова до почтово-телеграфной конторы было не более трехсот сажений, но улица здесь так круто поднималась в горку, что, когда надзиратель и городской остановились у почты, пот лил с них градом.

Несмотря на то что трое городских то и дело «честью просили» народ разойтись, толпа у конторы меньше не становилась. Тараканов с трудом протиснулся сквозь ряды людей и открыл тяжелую дубовую дверь почты. Все имевшиеся в конторе лампы и свечи были снесены в большую операционную залу первого этажа и зажжены. Труп стражника лежал около решетки, отделявшей залу от помещения, занимаемого служащими. Стражник лежал вверх залитым кровью лицом, рядом валялись опрокинутый табурет и винтовка. Следователь Воротников диктовал письмоводителю протокол осмотра места происшествия, уже окончивший свою работу городской врач Смирнов сидел на стуле и с задумчивым видом курил сигару. Исправник ходил из угла в угол и вытирал обширную лысину огромным фуляровым платком. Увидев Тараканова, он бросился к нему.

– Осип Григорьевич, где вас черти носят!

– Так я же после дежурства, ваше высокоблагородие, вы же сами разрешили сегодня на службу не являться.

– Помолчите, пожалуйста, ради бога, вы разве не видите, что творится? Как можно на службу не являться, когда во вверенном вам городе людей убивают!

– Виноват! Я как узнал – бегом сюда.

– Мне ваши извинения ни к чему, принимайтесь работать.

– Слушаюсь.

Тараканов поднял прилавок перегородки и прошел на служебную половину залы. Там сидели несколько почтовых чиновников и помощник исправника Кудревич.

– Здравствуйте, Витольд Константинович.

– Здравствуйте, Осип Григорьевич. Давайте выйдем на воздух, покурим.

Полицейские вышли на задний двор конторы. Кудревич закурил.

– Вообще-то не я, а вы мне должны докладывать, но коль я сюда раньше вас явился, то я субординацию нарушу и вам про происшествие расскажу. Со слов господ почтовых служителей, картина выясняется следующая: присутствие, как вам, наверное, известно, у них после обеда начинается с пяти вечера. Сразу же после перерыва, в пять – десять минут шестого, в зал влетело четверо грабителей, все в надвинутых на глаза шапках и с бородами, а один еще и в очках с синими стеклами. В стражника выстрелили с порога, он только что и успел – с табуретки подняться. После этого один из грабителей поднял над головой бомбу и приказал чиновникам собрать все деньги в одну почтовую сумку и перекинуть ее через решетку. В случае сопротивления грозился бомбу взорвать. Но сопротивляться никто и не думал. Приказ был выполнен наилучшим образом – деньги собраны, сумка перекинута. Бомбист положил свою бомбу на прилавок и приказал никому не двигаться, заявив, что в случае ослушания бомба

взорвется. После этого все разбойники покинули контору. Ограбление длилось не более пяти минут. Унесли же около пятидесяти тысяч. Взяли только деньги, ценные бумаги не трогали.

– А какие были купюры?

– В основном крупные. Но был мешок с трехрублевками, на четыре с половиной тысячи. После таких решительных действий у чиновников оснований не доверять словам бандитов не было, поэтому они и просидели не двигаясь минут двадцать, пока в контору по каким-то своим делам не зашла купеческая дочь Подпругина. Дверь в почту на блоке, а Подпругина дверь не придержала. Дверь так сильно хлопнула, что бомба упала с прилавка. Чиновники тоже попадали на пол. Но ничего не произошло. Я эту бомбу вам сейчас покажу.

Помощник исправника достал из кармана обрезок трехдюймовой медной трубы, оба конца которого были закрыты плотно прилежавшими деревянными кругляшками. В одной из деревяшек было отверстие, в которое была вставлена обструганная палка. Вся конструкция была выкрашена суриком в черный цвет.

– Ну-с, как думаете ловить бандитов? – спросил Кудревич.

Тараканов с недоумением посмотрел на помощника исправника.

– А вы как думали, батенька? – усмехнулся тот. – Го род в вашей юрисдикции, вам бандитов и ловить. И в случае неудачи большая часть ответственности тоже ляжет на вас. Уж во всяком случае, на должность, если это дело не откроете, не назначат. Это я вам не со злобы говорю, нет. Вы меня в качестве главы городской полиции вполне устраиваете. Я вас по-дружески предупреждаю. Дело такое выдающееся, что тут или грудь в крестах, или голова в кустах. Откроете хищников – будет вам почет и слава, а не откроете... Еще раз прошу простить, но на роль козла отпущения вы из нас троих больше всех подходите. Хотя и Сергею Павловичу вряд ли поздоровится. Тем более он за прошлогодние события уже был предупрежден о неполном своем служебном соответствии. Так что ищите, батенька Осип Григорьевич, ищите. А я вам помогать буду чем могу.

– Дайте для начала папироску.

– Вы же не курите!

- Дайте, они, говорят, нервы успокаивают.

- Угощайтесь. - Помощник исправника открыл серебряный портсигар, а после того, как Тараканов сунул папиросу в рот, чиркнул спичкой.

Вдохнув дыма, Тараканов закашлялся и выбросил папиросу. Засунув руки в карманы шинели, он несколько раз прошел из угла в угол маленького заднего крыльца, а потом беспомощно посмотрел на помощника исправника.

- Витольд Константинович, что делать-то?

- Что делать? Привыкайте, батенька, мыслить самостоятельно. Хорошо, на первый раз я вам помогу. Итак, нам надо установить что?

- Что?

- Подумайте.

- Установить, кто ограбил почту?

- И?

- И... куда дели награбленное.

- Правильно! Нам надо ответить на три вопроса: кто ограбил, где награбленное и где грабители. Если мы ответим на последний вопрос, ответим и на два первых. Правильно?

- Правильно, только как же узнать, где они?

- Давайте подумаем. Как вы считаете, наши местные грабили или пришлые?

Полицейский надзиратель задумался.

– У нас вроде способных на это нет. Своровать или даже убить по пьяной лавочке наши мужики могут, а вот почту ограбить... Вряд ли. Если только здесь не политика.

– Верно мыслите, коллега. Это наверняка экс[1 - Эксами (от слова «экспроприация») в период первой русской революции называли разбойные нападения, доход от которых шел (или должен был идти) на революционные нужды.]. Получается, что в любом случае грабили люди пришлые: серьезных мазуриков в городе нет, а «товарищей» наших доморощенных мы с Сергей Палычем прошлым летом хорошо поприжали. Кто на каторге, кто в бегах... А раз пришлые тут замешаны, то не будут они в нашем городе сидеть, побегут. Точнее, уже побежали. А как они из города выберутся?

Надзиратель оживился.

– Путей несколько: на машине[2 - Машиной раньше называли поезд.] со станции в Москву или в Венев, раз. Этот путь можно сразу отбросить – поездов сегодня после пяти вечера нет и не предвидится. Но жандарму на станции телефонировать все-таки следует, вдруг они расписание не изучали. Далее. Ехать на лошадях. Тут тоже несколько путей – на Тулу – или через Венев, или через Лаптево.

– И на Москву. Через речку путь давно открыт.

– Или на Москву. А еще на Серпухов. Лошади у них, конечно, могли быть свои. Но, скорее всего, они наших мужиков подрядили. Своих лошадей сюда гнать – больно много мороки – корм им нужен, хлев. Да и заметны чужие господа на лошадях. Поэтому надо обойти всех обывателей, которые имеют лошадей, и узнать, не подряджали ли их какие-нибудь нездешние.

– Отлично, коллега, отлично! Я в вас не ошибся. Пойдемте, изложим наши соображения исправнику.

Через полчаса в полицейском управлении собрались все наличные силы. Здесь была вся чертова дюжина полагавшихся по штату городских, живший в городе урядник Харламов и десять человек стражников первого отряда уездной конной полицейской стражи.

Исправник разбил все имеющиеся силы на тройки, во главе каждой из которых встал либо классный чин, либо урядник, либо старший стражник или старший городской. Каждой такой группе был поручен свой район города. Перед этим составили список всех известных полиции горожан, занимающихся извозом и вообще имеющих лошадей и закладки. Задача была поставлена несложная: обойти свой район и узнать, не уехал ли кто-нибудь из лошадевладельцев в дальнее путешествие.

Тараканову досталась центральная часть города. Прежде всего он со своими городскими обошел всех имеющих бирки извозчиков. Промысел этот в городе большого дохода не приносил, горожане предпочитали передвигаться на своих двоих, поэтому извозчиков, имеющих бирки, было всего пятеро. Все они дежурили на станции, а после прибытия последнего поезда перемещались в центр города и стояли возле трактиров и единственной в городе гостиницы. Все извозчики были в наличии, все они были расспрошены, но ничего ценного никто из них не сообщил.

Стали обходить обывателей. Удача улыбнулась на Рыбацкой. Некто Игнатьев, хитрый мужичонка, которого летом Тараканов привлекал за браконьерство, дома отсутствовал. Со слов жены, накануне муж пришел домой довольный, принес трешку задатка и рассказал, что на сегодня, на пять часов, его подрядили в дальнюю поездку, за которую обещали красненькую. Но куда именно поедет, не сказал. Седоков муж должен был забрать в Пушкинском детском саду. Сад этот располагался аккурат напротив почтовой конторы, на параллельной Большой Московской Пушкинской улице. Боясь потерять выгодных клиентов, Игнатьев еще в половине пятого запряг свою кобылу и уехал в сад. До сей поры не возвращался. Послав одного из городских с докладом к исправнику, Тараканов остался дожидаться возчика.

3

В избе было жарко натоплено, Тараканов изнемогал от жары, а шинели снять не мог, чем вызывал удивленные взгляды сослуживцев. Посланный к исправнику городской вернулся и передал приказ начальника – ждать. Другой городской принес от матушки Тараканова ужин, который был давно съеден. Дети Игнатьева уже спали на полатах русской печки, его баба возилась в кухне, бурча что-то себе под нос: беспутного мужа все еще не было. Чтобы не лишиться чувств от жары, Тараканов беспрерывно выходил на двор и поэтому первым

заметил вернувшегося хозяина. Сначала за воротами раздалось лошадиное ржание, а когда полицейский надзиратель выскочил на улицу, то увидел запряженные низкорослой лошадкой сани, в которых лежало завернутое в тулуп тело, не подававшее никаких признаков жизни. «Убили. Следы замечают», – мелькнуло в голове у Тараканова. Он осторожно отвернул полу тулупа. Запах густого перегара чуть не сшиб его с ног. Игнатъев был жив, но толку от этого никакого не было. Чего они только с ним не делали, пытаюсь разбудить. Городовые терли ему уши, сыпали за шиворот снег, награждали увесистыми тумачами, все было напрасно.

Жена возчика стояла у ворот.

– Оставьте его, ваше благородие, все одно не разбудите. Его, ирода, теперь сам черт не разбудит. Часа через три сам проснется, начнет похмеляться искать и меня с детьми по избе гонять, чтоб его нелегкая взяла. Лошадка у нас умная, всегда к дому придет, если бы не она, давно бы замерз муженек мой непутевый. Помогите лучше его в дом втащить.

– Нет. Мы его с собой заберем. Мне необходимо с ним побеседовать сразу после пробуждения, да и вам спокойней будет.

Баба заголосила:

– За что ж вы меня сиротой делаете! Как же я с детьми малыми жить-то буду! Пошто кормильца лишаете! Что он сделал такого? Я на вас жаловаться буду! Я завтра к прокурору пойду!

– Идите к кому хотите, ваше право. А мужа я все равно заберу. И не пугайтесь вы так, он у нас свидетелем числится. Мы его на вашей лошади до управления довезем, вы садитесь в сани и правьте, лошадь потом домой пригоните.

– Никуда я не поеду.

– Как хотите. Я тогда ее у крыльца привяжу, утром хозяин проспится и заберет.

– Тьфу на вас. Обождите, я оденусь.

В управлении были только дежурный городской и дремавший на стуле Кудревич. Прибывшие с Таракановым полицейские волоком протащили Игнатьева в арестантскую и, не церемонясь, бросили на пол. Кудревич подошел к доставленному, нагнулся над ним, но тут же отстранился, брезгливо морща нос.

– Совсем никакой?

– Даже «мама» сказать не может. Но баба его говорит, через пару часиков оклемается.

– Тогда я подожду. Вы со мной?

– Да. А где остальные?

– Исправник распустил всех по домам до утра, завтра в семь велено прочесать Пушкинский парк, вдруг найдем чего. Сергей Павлович тоже спать ушел. Антипов, поставь-ка, братец, самовар, надзирателю будет полезно чайку с морозца, – обратился к дежурному городскому Кудревич.

– Благодарю, Витольд Константинович, действительно, чайку не мешает. Я своих городских отпущу? – сказал Тараканов.

– Отпускайте, втроем справимся. Еще Харламов должен подойти, я ему приказал к трем явиться, меня сменить, я же не знал, когда вы придете.

Пробуждения возчика ждали более часа. Наконец Кудревич не вытерпел и приказал городскому и уже прибывшему уряднику повторить процедуру реанимации. Нижние чины восприняли приказ с надлежащим рвением, прошли в арестантскую, откуда вскоре послышалась возня, а потом рев задержанного: «Ухи, ухи отпустите!» Помощник исправника и надзиратель вскочили со своих мест. Харламов и Антипов выволокли Игнатьева из камеры и бросили на пол дежурки.

Игнатьев сел на пол, скрестил ноги и, держась за уши, стал раскачиваться из стороны в сторону. Потом заорал: «Глашка! Глашка, шкура барабанная! Квасу дай скорее!» Возчик обвел помещение ничего не соображающими глазами,

зацепился взглядом за золото погон Кудревича, и взгляд его тут же стал осмысленным.

– В часть попал! Ой, грехи, грехи. Ваше превосходительство, нет ли у вас квасу?

– А за сороковкой послать не прикажешь ли? – спросил Тараканов.

– А можно? У меня деньги есть, не сумлевайтесь. – Игнатъев попытался засунуть руки в карманы тулупа, но сидя это сделать было крайне затруднительно. Тогда он лег на пол и достал из кармана несколько мятых зеленых бумажек и горстку медяков. – Вот-с, – сказал он и попробовал подняться. – Пошлите вон ту морду, да пусть штоф возьмет, я всех угощу.

– Я тебе дам «морду»! – Антипов, к которому относились слова задержанного, замахнулся на Игнатъева кулаком.

– Тихо, Антипов, тихо, остынь. – Кудревич взял Игнатъева под руку и помог ему встать, затем, поддерживая, провел к стоявшей у стены деревянной скамейке для посетителей и посадил на нее. – Налью я тебе водочки, и посылать никого не надо, у меня есть. Ты только скажи, откуда у тебя эти деньги?

– Не воровал, ваше превосходительство, вот вам крест! Я не вор. Я честно эти деньги заработал.

– Как заработал?

– Отвез двух бар в Мокрый Корь и заработал.

– Сколько же они тебе дали?

– Уговорились на красненькую, да बारे больно хорошие, не сквалыжники! Дали на чаек. Три рубли задатку да двенадцать под расчет. Пятнадцать рублей заработал! – Игнатъев внимательно посмотрел на деньги в руках. – Три Глашке отдал, девять с мелочью при мне... Так я меньше трех рублей пропилил! – Эта арифметика явно обрадовала задержанного. – Эх, ваше благородие, вели четверть купить, кутнем! Только прям сейчас поднеси хоть чарочку, а то в голове наковальня.

Кудревич молча прошел в свой кабинет, вернулся оттуда с полбутылкой коньяка, взял со стола стакан с недопитым чаем, вылил чай в стоявший на подоконнике горшок с фикусом, налил полстакана и передал задержанному.

Тот, держа стакан двумя руками, поднес его ко рту и залпом выпил.

– Век за вас Бога буду молить, ваше превосходительство! Какой вы прекрасной души человек. А некоторые еще про полицию плохо говорят. А я скажу, наша полиция лучше всех!

Задержанный говорил без умолку, в конце концов язык его начал заплетаться.

Кудревич приступил к допросу. Допрос продвигался медленно, мысль задержанного то и дело уходила в сторону, он сообщал массу ненужных подробностей, при этом забывая говорить про то, о чем его спрашивали. Через пятнадцать минут картина прояснилась.

День для Фрола Игнатьева начался на редкость удачно. В шесть утра они со старшим сыном вытянули сеть, которую накануне поставили между двух лунок, и набрали более пуда рыбы. Да какой! Среди лещей и налимов в сети бились три стерлядки, каждая более аршина. Завернув успевшую замерзнуть рыбу в рогожу, Игнатьев отвез ее в гостиницу, где находился единственный в городе ресторан, и продал повару всех лещей и налимов за полтора рубля, а стерлядку по два двугривенных за штуку. Затем он отправился на находившийся недалеко постоялый двор, где в кабаке заказал себе чайную пару и чарку водки, а деткам – связку баранок.

Он уже выпил и чай, и водку и раздумывал, не взять ли еще одну чарочку, когда за его столик подсел одетый барином мужчина. По описанию Игнатьева, это был молодой человек невысокого роста, белобрысый, лет двадцати пяти, в пальто на вате и шляпе котелком.

– А не твоя ли лошадь, любезный, во дворе стоит?

– Моя, мил человек, только тебе это зачем?

- Да надобно нам с приятелем в Серпухов попасть. Не мог бы ты нас отвезти?
- С большим нашим удовольствием, если в цене сойдемся.
- Двадцати рублей хватит?

У Игнатьева так дух и захватило. Но виду он не подал.

- На чаек бы добавить, ваша милость.
- Разве этого недостаточно? Я справлялся, мне сказали, что такая сумма более чем хороша.

Боясь потерять выгодного клиента, Игнатьев сразу же пошел на попятную:

- Да бог с ним, с чаем, поедем и за двадцать. Где друг ваш?
- Пойдем на улицу, он недалеко отсюда нас ждет.

По Больничной они проехали до Малой Посадской, где на углу стоял мужчина лет сорока, в бобровой шубе и котиковой шапке.

Услышав про бобра и котика, Тараканов перебил возчика:

- Постой, постой. Опиши-ка мне этого господина.
- Чего сделать?
- Ну расскажи, как он выглядел.
- Как? Известно как – как барин. Шуба хорошая.
- На лицо он какой?

– Как какой? Как все – ни косой, ни кривой, голова, два уха, третий нос. – Игнатъев громко рассмеялся своей шутке.

– Блондин он, брюнет?

– Ась?

– Ну светлый, черный у него волос?

– Волос темный, шантен!

– Кто?

– Ну как бы рыжий, но не рыжий. Шантен вроде называется? Или нет?

– Шатен?

– Точно, шатен! На Московской в цирюльне на окне парики стоят, я слышал, как одна барыня такой цвет «шантенном» называла. Слово хорошее уж больно, запомнил.

– Дальше, дальше.

– А дальше барин в шубе стал ругать моего барина, мол, лошадь плоха, не доехать на ней до Серпухова. Я уж испужался, что без денег останусь, и рассказал про шурина.

Оказалось, что у Игнатъева в селе Мокрый Корь, которое стоит на пути в Серпухов, в пятнадцати верстах от города жил шурина, который держал постоянный двор и имел тройку.

– У него не кони – звери! У него коней один генерал хотел купить, да шурик не продал! Долетите до Серпухова и не заметите.

Наниматели задумались.

Чтобы они побыстрее приняли решение, Игнатъев предложил:

– А коль я вас только до Коря довезу, так давайте мне половину от обговоренного, а остальное шуряку.

Господин в бобрах сказал другому нанимателю:

– Смена лошадей, пожалуй, будет полезна. Да и тройка... Здесь мы тройку вряд ли найдем. Ну что ж, – повернулся он к Игнатъеву, – ваши условия нас устраивают. Вот вам три рубля задатка. Приезжайте к пяти часам в Пушкинский парк – да встаньте не со стороны Дворянской, а с противоположной, мы с другом подойдем. Да только не опоздайте! Запомните: опоздаете хоть на минуту или встанете не в том месте, мы с вами никуда не поедем и никаких денег вы не получите. Да, и сено в санях новое постелите, а то запах от него какой-то странный.

Игнатъев в этот день больше коня не утруждал, засыпал ему полную мерку овса. Бабе о том, что поедет к шурину, не сказал, она могла в попутчицы напроситься, братца повидать, а какая с ней поездка? Ни закусить, ни выпить. Недаром говорят: баба с воза, кобыле легче. В парк он приехал в половине пятого, пассажиры пришли в пять с четвертью, когда он уже начал волноваться. Владелец шубы на этот раз был одет, как и его друг, в ватное пальто и котелок, в руках нес холщовый солдатский мешок. Они быстро вскочили в санки и велели спешить. Весь путь пассажиры ехали молча. По хорошей, подмерзшей дороге отдохнувшая и сытая лошадь бежала резво, и до Мокрого Коря доехали быстро – за полтора часа. С братом Глафиры договорились за пять минут. Сначала он ехать не хотел, но, когда приезжие посулили четвертной билет, велел работнику запрягать, сказав, что отвезет дорогих гостей самолично.

– Дали они мне двенадцать рублей, я у брата на постоялом дворе сороковочку выкушал, да, на беду, земляка встретил – Андрюху Сторублевцева из Тарасково. Он с Тулы шел, с заработков домой, на Рождество. Выпили мы с ним за встречу. Андрюха и упросил меня его до дома подвезти. Приехали в Тарасково, а у него к празднику четверть припасена. Как за стол сядились, помню, а более – ничего. Нельзя ли еще напитку вашего, ваше высокоблагородие?

– Хватит с тебя. Иди в холодную, посиди. Антипов, отведи его.

После того как понурившийся Игнатъев, все-таки получивший в печень от Антипова, был удален, классные чины разбудили исправника и начали экстренное совещание. Тараканов рассказал начальству о своем случайном попутчике, очень похожем на одного из грабителей.

Исправник, покусывая кончик уса, сказал:

– На тройке они до Серпухова за час-полтора домчались. А оттуда можно в любую сторону, по железке. Если уехали они из Каширы в четверть шестого, то в Коре были не позже чем без четверти восемь. Пока тройку запрягали, пока собирались – половина девятого. В половине десятого, в десять – они в Серпухове. Есть оттуда об эту пору поезда?

– Надо телефонировать на нашу станцию, у дежурного чиновника должно быть расписание, – предложил Кудревич.

Позвонив, исправник заметно повеселел.

– После десяти вечера ни одного поезда в расписании не имеется. Первый, проходящий, из Курска – в шесть утра. Я дам телеграмму в московское сыскное, в охрану, сообщу приметы, их встретят. Да и в Серпухов телеграфирую, может быть, прямо там их перехватить удастся.

– Я бы не спешил, Сергей Павлович.

Исправник недоуменно посмотрел на сказавшего эти слова помощника.

– Почему?

– Ну как же. В Кашире почту обнесли, местная полиция бессильна, а серпуховская – герои, задержали грабителей! Им награды, а нам – взыскания. У вас и так предупреждение о неполном соответствии... Мне под вашим началом неплохо служится, и я другого начальства не желаю.

– А что же делать? Не сообщим никуда, так вообще злодеев упустим.

– Почему же не сообщим? И в Москву телеграфируем, и в Серпухов. Только не сейчас, а после шести, когда поезд уйдет. И сами в погоню отправимся. Я знаю, от нас есть поезд в пять часов, проходящий, из Козлова, я на нем от тещи неоднократно возвращался. Через три часа, то есть в восемь, будем в Москве, на извозчике с Павелецкого вокзала до Курского – пятнадцать – двадцать минут. А серпуховский поезд прибудет часов в девять. Так что успеем принять голубчиков в лучшем виде! Исправник задумался. Идея помощника ему казалась здоровой. Вот только кого послать? Самому лезть под пули не хотелось. Отправить Кудревича? Хоть и клялся тот в горячей к нему любви, но не доверял Сергей Павлович Витольду Константиновичу, не доверял. Чудилось исправнику, что поляк так и метит на его место. И фокус этот придумал, чтобы самому выслужиться, лично задержать грабителей.

– Осип Григорьевич, вы поедете.

Кудревич вскочил.

– Разрешите мне, ваше высокоблагородие!

– Нет, Витольд Константинович, вы мне здесь понадобятся. Из Тулы к нам уже выехал помощник начальника ГЖУ, мне одному его встречать прикажете? Кроме того, весьма вероятно, что одного из разбойников Осип Григорьевич знает в лицо. Второго громилу, кроме этого кучера-пропойцы, никто не видел, так что Игнатьева тоже придется в Москву везти. Кто из нижних чинов налицо?

– Антипов и Харламов.

– Харламов? Как нельзя лучше, храбрый полицейский, его берите. У вас револьвер исправен? – обратился исправник к Тараканову.

– У меня его вовсе нет. Не обзавелся.

– Возьмите мой, заряжен, смазан, бьет точно, я каждую неделю упражняюсь. Все, поторапливайтесь, до поезда сорок минут. Антипов! Беги на Московскую, найди извозчика или любого мужика с лошастью. Бегом беги, пять минут у тебя есть! Так, ничего не забыли? Да. Если что-то изменится, я вам телеграфирую. Справляйтесь о телеграммах на станциях и на вокзале. Вопросы?

- Ваше высокоблагородие! Я не при деньгах, даже на один билет нет...

- Вот, возьмите. - Исправник вытащил из бумажника десять рублей и передал Тараканову. - Билеты только не выбрасывайте, потом попробуем возместить из сыскных расходов. Урядника с Игнатьевым - в третий класс.

- В этом поезде нет третьего класса, - пробурчал Кудревич.

- Тогда мне десяти рублей в оба конца не хватит... - сказал Тараканов.

Исправник вновь достал бумажник.

- Вот вам еще пять. Ну где там Антипов!

4

Еле успели. Извозчик, зная, что от полиции ему ничего не очистится, лошадь сильно не утруждал и, несмотря на грозные окрики урядника, больше делал вид, чем по-настоящему хлестал свою кормилицу. Хорошо, что исправник догадался по телефону попросить кассира встретить Тараканова и Ко с билетами на платформе. Они запрыгнули в уже тронувшийся вагон. Расселись, тяжело дыша, урядник и Игнатьев сразу же скинули верхнюю одежду. Сидевший в их секции интеллигентного вида пассажир пробурчал что-то про запах и про то, что «мол, дали волю», после чего пересел в другое отделение.

Игнатьев никак не мог отдышаться:

- Ваше благородие, а водочкой здесь никто не торгует? Невмоготу мне совсем, опохмелиться бы!

- Потерпи, дело сделаем - куплю тебе.

- Да я сам куплю, деньги есть.

Исправник изъял у Игнатьева трехрублевки и мелочь в качестве вещественного доказательства, но хитрый мужик, видимо, имел в каком-то потаенном месте

своей одежды денежный запас.

– Ну, сам так сам. Ты мне лучше поподробнее опиши пассажиров своих. Рост какой у них, телосложение и так далее.

Игнатъев стал перечислять приметы.

– А еще, ваше благородие, у старшого взгляд такой, особенный.

– Какой такой особенный?

– А такой, нехороший. Мурашки по коже от этого взгляда.

– А раньше никого из них не видел?

– Того, который в бобрах был, не видал, а вот того, кто помоложе, – видел где-то, а вот где – не припомню.

– Постарайся, пожалуйста. В Кашире, в Туле, в Москве, где?

– Ну уж не в Туле и не в Москве, это точно. Я там годов десять не был. В городе у нас видел, а где – не помню. Эх, сейчас бы чарочку, память освежить.

Урядник достал из-за голенища маленькую медную фляжку и протянул Игнатъеву.

– Все не пей, мне оставь.

Игнатъев схватил фляжку и присосался к ней, да так крепко, что урядник еле вырвал ее у него из рук.

– Кому расскажешь, не поверят, какие чудесные у нас полицейские, второй раз угощают! С меня причитается! Я уж в долгу не останусь, так угощу, что долго помнить будете, да и рыбки свеженькой всегда доставлю.

– Рыбка – это хорошо, – сказал урядник. – Мозги то у тебя заработали? Вспомнил, где громилу видел?

Мужик задумался. По нему было видно, что он и вправду пытается вспомнить, где видел своего пассажира.

– Нет, не вспоминается. Вот если бы еще!

– Будет с тебя.

Тараканов прислонился к окну и стал дремать.

Когда они вышли на площадь перед Павелецким вокзалом и стали рядиться с извозчиками, Тараканов почувствовал, что его знобит. Сразу вдруг начало першить в горле, из носа потекло. В санках симптомы простуды усилились, и, входя в жандармское помещение вокзала, Тараканов понял, что заболел.

Их ждали двое. Один представился полицейским надзирателем охранного отделения Поликарповым, а напарника представил агентом Георгадзе.

– Вы вдвоем?

– А вы хотели, чтобы весь жандармский дивизион на вокзал прислали? Это у вас в деревне экс – событие, а в Москве их по два-три в неделю. Я уж и не помню, когда дома был. А вы почему по форме? Неужели не могли сообразить в партикулярное переодеться?

– Да времени совсем не было.

– Как же нам быть? Ну, вы, ладно, то, что в чиновничьей шинели, в принципе даже лучше, на ней же не написано, что вы по полиции служите. А вот как быть с урядником? Если они увидят урядника на московском вокзале, то сразу догадаются, зачем он здесь. Господин старший унтер-офицер, – обратился Поликарпов к жандарму, – не распорядитесь ли вызвать сюда какого-нибудь городского схожей с урядником комплекции? Пусть они с ним шинелями и шапками поменяются, и пока мы не закончим, городской у вас чайку попьет.

– Сделаем!

– Спасибо. – Надзиратель охраны повернулся к Тараканову: – Рассказывайте!

Поликарпов внимательно выслушал надзирателя, поговорил с Игнатьевым, уточняя приметы налетчиков.

– Значит, так сделаем. Игнатьев и вы встанете у начала платформы, на которую прибудет поезд, урядник, переодетый городовым, пусть идет в ее конец и смотрит, не пойдет ли кто-нибудь в обратную от вокзала сторону. Мы с Георгадзе – посредине. Если кто-нибудь из вас заметит разыскиваемых, пусть даст нам сигнал. Ну, скажем, достанет платок, снимет шапку и оботрет лоб. Мы подходим, идем за заподозренными, доводим их до площади, где толпа пассажиров поредеет, и скопом на них бросаемся. Никаких «вы арестованы», «будьте любезны пройти», ни в коем случае! Люди серьезные и вооруженные. Палить начнут, никому мало не покажется. Всем все понятно?

– А мне тоже? – Игнатьев сжимал в руке шапку.

– Что тоже?

– Также бросаться скопом?

– Нет, ты господину полицейскому надзирателю на пассажиров своих укажешь и отходи от него подальше, чтобы они тебя не увидели. Ясно?

– Ясно, – с облегчением проговорил Игнатьев.

Все бы могло пройти как по маслу, если бы поезд не задержался на полчаса. Тараканов, голова которого гудела как котел, и не заметил, как Игнатьев исчез, а когда он его увидел, было поздно. Мужик успел сбегать в казенную винную лавку, купить там полбутылки водки и выпить ее прямо из горла. Он подошел к надзирателю, улыбнулся, полез целоваться, но свалился и уснул у его ног. Оpoznавать грабителей стало некому.

Подбежал красный как рак Поликарпов. Он кинул на Тараканова уничтожающий взгляд, достал папиросу, закурил. Подошли Георгадзе и урядник.

– Дислокацию не меняем. Этого уroda – на извозчика и в ближайший участок, вырезвляться. Приметы все помнят? Внимательно разглядываем прибывших с поездом, и если увидим схожих по приметам, то даем условный знак. Потом, эх, делать нечего, подходим скопом, представляемся и просим показать документы. Просите вы, милостивый государь, а мы вас боимся. Все ясно?

– Ясно. – Тараканов то краснел, то бледнел и не знал, куда деться от стыда.

Наконец прибыл поезд. Тараканов глядел во все глаза, но никакой похожей по приметам парочки не находил. С поезда выходили или одиночные пассажиры, или целые компании, в основном мещан и крестьян, или кавалеры с дамами.

Один из пассажиров – молодой мужчина в нагольном тулупе, проходя мимо, нечаянно задел его плечом.

– Пардон.

– Ничего страшного.

Мужчина пошел к вокзалу.

Пардон? Откуда нагольный тулуп знает слово «пардон»? Лицо бритое, странно для крестьянина. Лицо. Он где-то видел это лицо. Бритое лицо. Стоп. «Дворянин Тульской губернии Лев Филиппов Волков, двадцати пяти лет, рост два аршина семь с половиной вершков, волосы русые, бороду и усы бреет. Разыскивается уездным членом Тульского окружного суда по Каширскому уезду за преступление, предусмотренное статьей 39-4 “Устава о наказаниях”».

Ну как же! Он в мае этого года раз пятьдесят писал эти слова. И карточку Льва Филипповича Волкова на бумагу приклеивал!

Дворянин Волков появился в их уезде в конце апреля и стал приходить на все разрешенные собрания, которые тогда случались почти каждый день. В паровозном депо собирались железнодорожники, в зале Дворянского собрания –

интеллигенция, в библиотеке – мещане-разночинцы. И везде этот Волков начинал агитировать, призывать к беспорядкам. Тогда полиция плохо понимала, что можно народу, что нельзя. В газетах одно писали, начальство другое говорило, а прокурорский надзор – третье. Исправник классных чинов на собрания посылал, они все внимательно слушали, а потом рапорта писали, но приказа меры принимать от исправника не следовало. Потом в ГЖУ эти рапорта прочитали и губернатору о них доложили. Тот Батурина сразу хотел уволить, но пожалел – человек два года до полной пенсии не выслужил, жену больную имел, да и с вице-губернатором в родстве состоял. Оставил, но с тем условием, чтобы смутьян Волков был пойман и строго наказан. Исправник лично явился его арестовывать в номера потомственного почетного гражданина Добронравова. Только Льва Филипповича к этому времени и след простыл. Исправник рвал и метал, всю полицию на ноги поднял, Тараканов с другими писцами полночи объявления о розыске писали, а единственный городской фотограф получил срочный заказ карточку Волкова переснять и десять дюжин размножить. Карточка в ГЖУ имелась, Волков в тамошней картотеке давно числился. Следующую половину ночи Тараканов с Андрюшкой клей мешали и фотографии на объявления клеили. Их по всему городу развесили, всем урядникам и городовым раздали, но только это не помогло. Исчез Волков. Уездный член завел дело по статье 39-4 «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» и выписал полиции постановление о приводе обвиняемого.

Исправника на службе все-таки оставили, но на каждом совещании губернатор ему Волкова вспоминал.

«Эх, хоть не с пустыми руками, не попался лещ, так хоть с ершом. Сергей Павловичу все поприятнее будет». – Тараканов быстрым шагом пошел за уже отошедшим на значительное расстояние Волковым.

«А вдруг не он? Сейчас покажет паспорт на другое имя, и что мне делать? Надо его проверить». Предполагаемый преступник в это время уже начал рядиться с извозчиком.

– Лев Филиппович! – крикнул стоявшему к нему спиной тулупу Тараканов.

Волков на секунду замер, не оборачиваясь, снял с плеча котомку, бросил ее на снег, сунул руку в карман тулупа и быстро развернулся. В руке у него был револьвер.

Полицейский надзиратель остановился как вкопанный. «Мама!» – не сказал, а только подумал он. Раздался гром выстрела. Волкова отбросило назад, спиной на санки, лошадь шарахнулась в сторону. Тараканов обернулся. Сзади с дымящимся револьвером в руках стоял Георгадзе. И только сейчас Тараканов с удивлением сообразил, что за все время их знакомства Георгадзе не проронил ни слова.

5

Волков был убит наповал. В его котомке полицейские нашли сорок тысяч рублей. Труп экспроприатора отправили в прозекторскую ближайшей больницы, Поликарпов вручил Тараканову под расписку деньги, пожелал удачи и был таков. Урядник и надзиратель поехали домой.

В поезде Тараканов начал бредить, в Кашире Харламову пришлось просить носильщика помочь довести надзирателя до извозчика. Увидев сына, матушка всплеснула руками. Прибывший через полчаса городской врач диагностировал тиф и прописал на семь рублей лекарств.

К счастью, диагноз эскулапа не подтвердился, ночь Тараканов провел в бреду, а утром ему полегчало. Частнопрактикующий немец-врач Штольц констатировал тяжелую простуду.

Молодой организм скоро взял свое, и меньше чем через неделю Тараканов был практически здоров.

Первым визит к выздоравливающему нанес исправник.

– Лежите, лежите, – сказал он и даже попридержал за плечо пытавшегося встать с кровати Тараканова. – Вот, пришел вас проведать, гостинчиков принес. – Исправник выложил на тумбочку у кровати большой апельсин. – И поздравить. Вот-с. – Батурин достал из кармана сложенную вчетверо газету, водрузил на нос пенсне и с выражением прочел: – «Высочайший приказ. О чинах гражданских. Производятся... так-с... Вот: в коллежские регистраторы – так, так, так... исправляющий должность полицейского надзирателя города Каширы Тараканов, с утверждением в указанной должности». Успели чин дать к Рождеству. А все я! Как только октябрьский манифест вышел, так я документы в

губернию и отправил.

– Спасибо, Сергей Павлович! – Тараканов опять попытался встать.

– Лежите, лежите. Поздравляю и от себя лично говорю «спасибо». – Исправник понизил голос: – Вы меня очень выручили, голубчик. Не разыщи вы денег, я бы уже неделю себе место искал. Жандармский ротмистр Кожин, что сюда приехал дознавать этот разбой, мне так и сказал: если бы, говорит, Сергей Павлович, ваш надзиратель денег так быстро не разыскал бы, не сносить вам головы. Еще раз – крепкое мое спасибо. Услугу вашу никогда не забуду.

– Рад стараться, ваше высокоблагородие!

Посидев еще минут десять и отказавшись от предложенного матушкой чая, исправник сослался на неотложные дела и удалился.

Через полчаса в комнату зашел потомственный почетный гражданин Добронравов. Он переложил внушительных размеров узелок из правой руки в левую, перекрестился на образа и поклонился вскочившему с постели надзирателю.

– Как здоровье, Осип Григорьевич, ваше благородие?

– Спасибо, уже почти здоров.

– Слава тебе, господи! – Добронравов опять перекрестился. – А я вот выбран нашим городским купечеством поздравить вас с великим праздником Рождества Христова и передать самые наилучшие пожелания. Мы еще в канун праздника собрались, да матушка ваша не пустила, плохи вы еще в ту пору были. Позвольте передать вам наши скромные дары – тут-с гусек, стерлядочка (это от меня лично), ну и другие разные деликатесы.

– Спасибо большое, но я, право, не могу...

– А еще к светлomu празднику уполномочило меня наше городское купечество, во исполнение многолетней традиции, преподнести вам конвертик со сторублевочкой, чтобы имели вы возможность приобрести себе чего пожелаете.

- А вот от этого увольте. Денег я с вас тем более взять не могу.

- Это как? - В голосе купца слышалось неподдельное удивление.

- Не могу и все. Я мзду не беру.

- Какая же это мзда? Ежели вы, например, матушке своей на праздник платок подарили, это разве мздой называется?

- То мать родная, а не посторонние люди.

- Господи! Какие же мы посторонние? Вы нам теперь как отец родной, и даже лучше, потому государем нашим поставлены блюсти покой и охранять бараклишко наше, неустанными трудами нажитое. Предместник ваш брал, не брезговал, его предместник тоже.

Добронравов был поповским сыном, год отучился в семинарии и потому изъяснялся несколько витиевато.

- Сказал не возьму, значит - не возьму, и не просите. А обязанности свои я без всяких даров исполнять буду, как положено.

Поужав надзирателя еще минут десять, Добронравов досадливо махнул рукой и пошел на выход, оставив узелок на столе.

Заметив это, Тараканов ринулся было догонять купца, но остановился.

«Пожалуй, гуся-то можно оставить. Да и стерлядку. Мать ушицы приготовит. А то ведь я праздник и не отметил. А как поправлюсь, пойду в номера к Добронравову и отдам ему деньгами чего следует».

- Мама!

- Чего, сынок?

- Там на столе провизия. Не сделаете ли вы ушицы?

– Конечно сделаю. И уху сварю, и гуся пожарю! Радость-то какая! Эх, отец не дожил, а то как бы был рад, сам-то и не мечтал о таком почете!

Мать села на табуретку у кровати и заплакала.

– Мама, мне мундир надо пошить и шинель, форма-то другая у надзирателя. Есть ли деньги?

– Ради такого дела поищем, перехватим у кого. Дорого ли?

– За все рублей сто придется отдать.

Мать аж ахнула.

– Сто! Уж очень дорого.

– Старую шинель можно продать. Да и форменную сюртучную пару. Я даже знаю кому. Никодимова в канцелярские служители произвели, а мы с ним одной комплекции. Я думаю, рублей двадцать пять он даст.

– Все равно дорого!

Когда из кухни начали раздаваться соблазнительные запахи, в комнату к больному зашел Кудревич. Из одного кармана шинели он вынул бутылку «Финшампаня», из другого – огромное антоновское яблоко.

– Я хоть и не доктор, но лекарство вам принес, – весело сказал он, садясь на табурет. – Есть ли нож у вас и штопор?

– Матушка спиртное не приветствует...

– Не пьянства ради, а здоровья для можно. Екатерина Сафоновна! – крикнул Кудревич в кухню. – Можно вашему сыну рюмочку коньячку для здоровья? Врачи рекомендуют.

– Ну коль врачи, то можно. Но только одну. Да вы погодите, я на стол соберу. –
Мать зашла в комнату, вытирая руки о передник.

– Не утруждайте себя, я ненадолго, мне сегодня дежурить и через полчаса надо
быть на рапорте у исправника. А вот за приборы буду признателен.

Мать принесла рюмки, нож, штопор и блюдечко с тонко нарезанным салом.

– Уж не обессудьте, на скорую руку.

– Прошу и вас с нами.

– Что вы, что вы, я совсем не пью. Ну а вы не стесняйтесь. Может, самоварчик?

– С радостью, но недосуг.

Мать ушла, а Кудревич налил две рюмки. Коллеги чокнулись. Коньяк оказался
превосходным.

– Вот я что вам скажу, коллега. Неправильно вы службу начинаете.

Тараканов повесил голову.

– Я сам все время об этом думаю. Сказал же мне охранник знак подать, а я...
Ведь очевидно же все было, а я не связал появление на платформе Волкова и
«ЭКС».

– Вы, простите, сейчас о чем?

– Как же? О задержании.

– А... Ну об этом отдельно поговорим, завтра я с утра свободен и специально к
вам приду. А сейчас я про другое. Вы зачем хороших людей обижаете?

– Кого?

- Да всех купцов города. Люди от чистого сердца с праздником вас хотели поздравить. А вы? Гордыня – смертный грех.

- Да при чем здесь гордыня? Брать деньги с обывателей – противозаконно. За это статья есть в Уложении.

- Господи! Какая статья? Вы юрист? Статьи у нас есть за мздоимство и за лихоимство, а за получение подарков статьи нету!

- Это не подарок.

- А что?

- Витольд Константинович! Неужели вы не понимаете? Ну, хорошо, возьму я деньги. А дальше что? Пойду я через месяц к Добронравову с проверкой соблюдения обязательного постановления о времени закрытия ресторана. А он после часу ночи открыт. Нарушение? Нарушение! Я на него протокол, а он мне про сто рублей напомнит.

- Ну, во-первых, это уж и не такое большое нарушение. Подумаешь, ресторан не вовремя закрыл! А если гости закутили? Если они веселиться хотят? И при этом ведут себя благородно, морды и посуду не бьют, голыми на улицу не выскакивают, никому не мешают, никто на них не жалуется? Что будет плохого, если люди лишний часик винца попьют, а Добронравов лишнюю синенькую заработает?

- Но закон, обязательное постановление!

- Осип Григорьевич, не в упрек вам будет сказано. Молоды вы. Опыта у вас нет. И потом – кто сказал, что Добронравов вам про сегодняшнюю «кату» напомнит? Это – традиция, обычай, сродни, ну я не знаю... Сродни купанию на Крещение в проруби. Идет из глубины веков! Вам известно, что Николай Первый каждое Рождество и Пасху квартальному надзирателю того квартала, где Зимний находится, по триста рублей высылал? Император!

- Да это анекдот.

– Никакой это не анекдот, а исторический факт. А не будете соблюдать традицию – не наладите с людьми отношений. А купечество – наша надежда и опора. Тот же Добронравов – гласный городской думы, благотворитель известный. Он и полицейскому управлению помогает – вот, в прошлом году кредита казенного не хватило, так он на канцелярию двести рублей выделил. В этом году машинку печатную обещал купить. А вы ему – от ворот поворот. В общем, вот. – Помощник исправника достал из кармана сюртука уже виденный Таракановым конверт. – Вот вам сотня, и не смейте отказываться.

– Возьми, сынок, – мать стояла на пороге комнаты, – как раз на обмундировку. А то денег-то у нас совсем нет. Все, что было накоплено, на дохторов ушло да на лекарства.

6

На следующее утро Тараканов чувствовал себя уже совсем хорошо. Штольц его внимательно выслушал, посмотрел язык, измерил температуру.

– Здоров. Вот только на службу выходить я бы не торопился. Побудьте дома еще пару дней, чтобы избежать возвращения болезни. Простуда чревата осложнениями, если ее не долечить.

Решено было приступить к исполнению обязанностей с понедельника.

В час пришел Кудревич.

Тараканов уже не лежал в постели, а сидел в халате в гостиной и читал газету.

– Ну вот теперь вижу, что молодец, совсем молодец. – Помощник исправника принес с собой в дом морозную свежесть. Щеки у него были красные, усы заиндевелившие. Глядя на него, хотелось выйти на улицу, взять санки и покататься с горки, как в детстве.

В этот раз Кудревич от обеда не отказался, с аппетитом откусал щей, съел большую тарелку каши с говядиной, выпил компоту из сушеной малины и сделал маменьке такой заковыристый комплимент, что та зарделась, махнула на гостя рукой и ушла в кухню.

– Вы как, Осип Григорьевич, после обеда спите?

– Нет. У нас в семье не заведено это почему-то.

– А я, признаться, люблю в эту пору часок-другой Морфею посвятить. Но сегодня свой обычай нарушу. Давайте о деле поговорим.

– Я только и жду этого разговора.

– Опять я вам о деле докладываю в нарушение субординации, какая-то тенденция нездоровая, не находите? Шучу, шучу, вы не обижайтесь, у меня бывают шутки такие, своеобразные... В общем, слушайте. После вашего отъезда в Москву, часа через два, прибыл жандармский ротмистр Кожин с несколькими нижними чинами. За дело они взялись рьяно, передопросили всех почтарей, вместе с нами обыскали Пушкинский парк. Не безрезультатно. У входа, со стороны Дворянской, нашли пустую почтовую сумку. Затем мы с Кожиным повторили весь путь злоумышленников. Съездили в Мокрый Корь, побеседовали с шурином Игнатьева, неким Нефедьевым, на его тройке домчались до Серпухова. Седоков он высадил не на вокзале, а на центральной площади. Оттуда у них дорог было – бесконечное количество. Там же, на площади, – извозчичья биржа. Мы к серпуховскому исправнику пошли, попросили помощи. Он дал пару городских да помощника городского пристава. Некто Юдзинский, мой соплеменник, напыщенный хлыщ. Интересса в этом деле у серпуховских никакого, у них своих происшествий хватает, поэтому и к службе они относились спустя рукава, лишь бы от них отстали. Обошли мы всех извозчиков, съездили на вокзал. Никто нам ничего хорошего не сказал. То ли не запомнили на самом деле никого, то ли говорить не хотели. В кассу сунулись, в тот день билетов в третий класс интересующего нас поезда было продано пятьдесят шесть штук. Естественно, кассир ничего путного тоже не сказал. Мы как раз с ним разговаривали, когда жандарм станционный прибежал и телеграмму от исправника принес о ваших успехах. Кожин сразу домой засобирался, строго-настрого приказав мне всех причастных отыскать и задержать, и на ближайшем поезде в Тулу и укатил. А мы на лихой тройке в Каширу поехали. Третьего дня меня в Тулу вызывали, к Кожину, дело ему от нас передали. Он-то мне и сказал, что о нашем разбое отрапортовали как о раскрытом. Формулировочка такова: «Девятнадцатого сего декабря в городе Кашира совершено разбойное нападение на почтово-телеграфную контору, убит стражник. Принятыми к розыску мерами преступники обнаружены, один убит, большая часть

похищенных денег разыскана и возвращена в казну. Розыски других членов шайки продолжаются». Получается, что все довольны – губернатор ловко отчитался, исправник место сохранил, жандармы и охрана свою роль в раскрытии самыми яркими красками расписали, они это умеют.

– И вы довольны?

– А я вот нет. И знаете почему?

– Ну как же – преступники-то на свободе!

– Мало ли на свободе преступников, Осип Григорьевич! Если обо всех беспокоиться – никаких душевных сил не хватит, извините за цинизм. У меня тут личные мотивы.

– Какие, если не секрет?

– Стражник Богачев – сын бывшей няньки моих дочерей. Я и не знал. Я его видел-то мальчонкой, потом его в Москву в учение отдали, а после службы он на родину вернулся и в полицию поступил. Марфуша, нянька, очень уж убивается, сынок-то у нее единственный. И дочки мои переживают, любят они Марфу, она их с пеленок воспитывала. А еще покойник моей супруги крестник. Вот я и обещал жене с дочками отыскать всех, кто к смерти стражника причастен. Будете мне помогать?

– Разумеется!

– Другого ответа я и не ожидал. Тогда давайте думать. Из трех вопросов, которые я вам давеча на крыльце почты задал, на один вы ответили, большую часть денег нашли. Частично ответили и на второй, нашли одного из хищников. Осталось нам узнать, кто остальные и где они? Какие будут мысли?

– Мыслей много, Витольд Константинович, я об этом деле думаю не переставая.

– Так давайте, делитесь.

– Смотрите: как вам известно, банков у нас в городе нет и все казенные деньги возят с почтой, такая есть договоренность между Министерством финансов и почтовым ведомством. Такая большая сумма понятно как накопилась: конец года, а наши обыватели любят налоги в последний момент платить, да и недоимок много насобирали. Я лично почти тысячу в этом месяце собрал. Насколько я помню, деньги в губернское казначейство отправляют не так уж часто?

– Именно! По мере накопления. Обычно после того, как накопится тысяч десять. Почтмейстер за день до отправки сносится с исправником, тот выделяет команду конных стражников, почтари организуют сани. По нынешним лихим временам, с денежной посылкой отправляем в Тулу весь наличный состав отряда, десять человек.

– Что же получается? С двух до пяти почта, как обычно, была закрыта для посетителей. Дверь там хорошая, и запоры крепкие. Поэтому грабили в пять, после перерыва. В пять с небольшим произошло ограбление, а в половине шестого на почте должно было появиться десять полицейских, которые дали бы экспроприаторам хороший отпор. Но ведь стражники могли и раньше прибыть! То есть все решали минуты! Получается, что бандиты должны были непосредственно перед нападением зайти на почту, проверить, не прибыли ли стражники.

– Молодец! Мне эта мысль тоже пришла в голову. Я побеседовал со служащими. В пять часов заходил молодой человек. Не наш, не каширский. Отправил телеграмму в Тулу, при этом заполненный бланк принес с собой. Был на почте не более пяти минут. А непосредственно после его ухода – ворвалась банда.

– Был ли он среди нападавших?

– Чиновники сказать ничего на этот счет не могут.

Все ворвавшиеся в почту были с бородами, видимо наклеенными, и в нахлобученных на глаза шапках. Все – в пальто.

– А адрес, по которому телеграмма отправлена?

- Нет такого адреса в городе Туле. Улица есть, а дома на ней под таким номером нет. Вот, пожалуй, и весь мой доклад. Какие будут выводы?

- Подводчик был!

- Абсолютно согласен! О дате отправления посылки никто, кроме почтовых и исправника, до последнего момента не знал. Даже я. Стражники у нас, как вы знаете, размещены казарменно, и о предстоящей командировке исправник уведомил их ровно в пять часов. Не успевали они сообщить никому. Я всех опросил: когда они узнали о том, что в Тулу поедут, все стали собираться, лошадей запрягать, никто никуда не отлучался.

- А Богачев?

- Богачева исправник отправил на почту пешком, тот должен был посидеть до прибытия отряда, а потом в казарму вернуться. В Тулу он не должен был ехать. Отпросился у исправника, дела у него какие-то были... Да-с. Судьба... Ну так вот. Получается, что о посылке сообщить «товарищам» мог только кто-то из почтовых. Остается узнать кто?

- На почте не так много народу служит.

- Много не много, а шесть человек классных чинов, включая начальника. Еще сторож и два городских почтальона. Кожин по моей просьбе проверил их всех по картотеке ГЖУ. Ни за кем ничего предосудительного не значится. Надо каждого проверять - с кем общается, как досуг проводит. На это много времени может уйти.

- Витольд Константинович, а бомба?

- Что бомба? Муляж.

- Муляж. Сделана из медной трубы. А трубы у нас по городу не валяются! Надо найти место, где преступники могли взять эту трубу. С собой привезли?

Кудревич задумался.

– Осип Григорьевич, да вы настоящий Лекок! Вы знаете, чем больше я размышляю над этим делом, тем больше склоняюсь к тому, что без наших, доморощенных, экспроприаторов здесь не обошлось, а сейчас вы меня в этом окончательно убедили. Во-первых, подводчик – этот точно наш, каширский. Во-вторых, попутчик ваш в поезде был в бобрах, а на «эксе» – в пальто. А багажа вы при нем не видели.

– Не видел – так, маленький саквояж, в который пальто бы не поместилось.

– Вот! Да и в сани он садился с одним сидором, шуба бы туда тоже не поместилась. Ну не выбросил же он ее! У знакомых, выходит, оставил. Я, кстати, к Добронравову заглянул, не было у него такого постояльца. Стало быть, не всю заразу мы с Сергеем Павловичем вывели, не всю. А помните, за что исправник «неполное служебное» получил?

– Ну как же – допустил участие наших деповских рабочих в прошлогодних декабрьских беспорядках.

– Деповских рабочих! Слесарей в основном, которые в Москву на баррикады явились с самодельными бомбами, изготовленными из труб!

Они проговорили еще около часа, обсудили все шаги предстоящего расследования, договорились о том, кто из них чем будет заниматься.

Кудревич на прощанье крепко пожал Тараканову руку.

– Кстати, зачем вы мать напугали?

– Я? Чем же?

– Зачем вы ей сказали, что построить форму в сто рублей станет? Сходите к Абрамсону, он вам все в лучшем виде из своего материала за пятьдесят рублей сделает, я с ним договорился.

– Да там одного материала рублей на пятьдесят уйдет: пальто, мундир, шаровары!

– Абрамсону виднее, сколько чего стоит, он всю жизнь портняжит. Сделает из сэкономленного. Вот только прибор[З - Прибор – элементы форменного обмундирования: пуговицы, погоны, звездочки на них, герб губернии на фуражке или шапке.] придется покупать, я бы вам дал из своих запасов, но у меня прибор золотой, а вам положен серебряный.

Проводив гостя, Тараканов долго смотрел в темное окно на улицу.

7

Кудревичу очень хотелось стать исправником. Должность эта открывала огромные перспективы. Дурак Батурин и десятой части своих возможностей не использовал. Сам не использовал и ему не давал. На самой заре карьеры в Кашире у Кудревича с начальником состоялся крупный разговор на тему «Не по чину берешь!», после которого и затаил Кудревич на Сергея Павловича обиду.

Когда Империя с ума стала сходить и народ безобразничать начал, Кудревич сразу понял, чем это может обернуться. А опыт борьбы с политическими у него пусть небольшой, но был. Довелось ему в свое время послужить в московском Отделении по охранению общественной безопасности и порядка, да под началом самого Зубатова! А тот подчиненным крепко-накрепко в головы вбил, что внутренняя агентура – гораздо эффективнее, чем наружная. Поэтому Кудревич, когда на новое место службы поступил, первым делом завел себе агентуру. Но агентов нашел он среди «блатных», кто же знал, что революция до их богоспасаемого городка доберется! В прошлом году этот недочет пришлось срочно исправлять. Почти весь пролетариат их уезда был сосредоточен в паровозном депо станции Кашира. Именно там затевались разные сборища, именно оттуда, по слухам, в городе появлялась всякая крамольная литература. Агента искать следовало именно здесь.

Съездил он на станцию, поговорил со станционным жандармом, с буфетчиком Щукиным и узнал от них, что слесарь Городушкин повадился каждое воскресенье в Москву ездить. А самый дешевый билет в один конец полтора рубля стоит! Не по средствам для слесаря.

Кудревич надел партикулярное, взял с собой новенького, еще не успевшего в народе примелькаться городского в штатском и поехал в Москву в одном поезде

с Городушкиным. Городового в третий класс отправил, поближе к слесарю, а сам сел во второй. На вокзале Городушкин стал аккуратно проверяться, и, чтобы не испортить все дело, решил Кудревич за ним не следить – все равно обратно на поезде возвращаться будет. Прождали они слесаря недолго – три часа не прошло, как он на вокзал вернулся, неся большой заплечный мешок. Сели в поезд. В Домодедово, где поезд десять минут стоял, Кудревич послал городского к жандармам и с их помощью Городушкина арестовал. Осмотрели мешок, а там – всякая разная пропагандистская гадость! Листовочки, газетки. Губерния тогда на положении усиленной охраны была, и светило слесарю нешуточное наказание. Долго с ним Кудревич беседовал, пока не уговорил сотрудничать. Как ни странно, больше всего слесаря прельстило казенное жалование.

Потом Кудревич съездил в Тулу, в ГЖУ, договорился с ротмистром Кожиным, тот агента Городушкина зарегистрировал как своего личного, под псевдонимом «Дерзкий», и стал Городушкин исправно поставлять интересные полиции и жандармерии сведения. Часть информации помощник исправника реализовывал, а часть попридерживал, чтобы Батуриным не прослыл в глазах начальства особенно удачливым борцом с революционной заразой. Не сообщил он исправнику и о том, что 10 декабря 1905 года вооруженная дружина деповских рабочих выезжает в Москву поддержать товарищей на баррикадах. Да не просто выезжает, а на угнанном паровозе! Восстание разгромили, слесарей каширских кого убили, кого поймали, а исправник за ротозейство, а особенно за паровоз, едва службы не лишился. Только родственные связи с вице-губернатором и помогли.

После того как в «Тульских губернских ведомостях» был пропечатан приказ губернатора об объявлении Батурину всего лишь предупреждения о его неполном по службе соответствии, Кудревич выхлопотал трехдневный отпуск, уехал на свою дачку в Лиды и два дня там пропьянствовал. Третий день отходил – отпивался квасом, парился в бане, купался в проруби.

После «экса» Кудревич думал, ну все, кончилась у Сергей Павловича казенная служба, ан нет, опять выкрутился. Кто ж знал, что новоиспеченный надзиратель таким везунчиком окажется! Исправника не только в отставку не отправили, но даже поощрили за столь быстрый розыск. И в отпуск разрешили уволиться – у исправника тетушка в Орловской губернии умерла, экономию ему завещала, он туда и укатил вчера на целый месяц – в наследство вступить, дела в порядок приводить.

И пока Батурина в городе не было, нужно было, кровь из носу, самому поймать неразысканных разбойников. А уж когда поймают, он такой рапорт составит, что держись, исправник! Да и есть в губернском правлении люди, которые помогут этот рапорт в нужном ракурсе губернатору доложить. «Совсем о службе Батурин не печется, ваше превосходительство! Основная часть банды на свободе, а он из города укатил свои дела решать. Ставит личные интересы выше служебных! А может, он и в казенном жаловании не нуждается, коли такой богатый наследник?»

Найдет Кудревич банду – будет у него вторая петлица на воротнике[4 - Исправнику на воротник мундира полагалось две петлицы, его помощнику – одна.], а уж после этого реализует он все свои нереализованные возможности!

А Тараканова можно взять помощником. Парень неглупый, исполнительный, а дурь юношеская пройдет у него быстро. Да уже проходит – и сто рублей у купцов взял, и к Абрамсону мундир шить пойдет. Если начнет артачиться, об этом всегда можно напомнить.

Настроение у помощника исправника после таких размышлений было прекрасным. Он дал извозчику двугривенный, чему тот несказанно удивился, слез с саней и проследовал на городскую елку, устроенную на Хлебной площади. Народу на площади было много. У елки прогуливалась и простая, и интеллигентная публика. По случаю воскресенья простой народ был пьяненьким, играло сразу две гармошки, а за лавками купца Нестерова затевалась драка. Дав постовому городовому распоряжение пресечь безобразие, помощник исправника прошел мимо Введенской церкви вниз по Большой Московской, у номеров Добронравова повернул налево и по Монастырской дошел до городского кладбища. Оглядевшись по сторонам, Кудревич юркнул на погост и подошел к заброшенной могиле в его дальнем углу. Там уже стоял, переминаясь от холода с ноги на ногу, Городушкин.

– Господину надворному советнику мое почтение!

– Здравствуй, здравствуй, Городушкин. Как настроение?

– Хорошее, новогоднее. К Рождеству общество дороги нас наградило, можно и погулять.

- Гулять – это хорошо. Только кончится твое гулянье скоро.

- Это почему же? Деньги есть.

- А потому, что в казенном доме с вином тяжело. А уж я со зрителем договорюсь, чтобы тебе оно и вовсе не доставалось.

- Извольте шутить, ваше высокоблагородие? За что меня в казенный дом? Я верой и правдой!

Кудревич коротко размахнулся и ударил осведомителя в левую скулу. Тот упал на могилу.

- За что?

- А ты прав, Городушкин. Нечего тебе делать в казенном доме. Не буду я тебя туда отправлять. Я лучше по-другому сделаю. Вызову кого-нибудь из «товарищей» на беседу, сам из кабинета выйду, а на столе забуду твою расписку о сотрудничестве. Тогда никакая тюрьма тебе не светит. Тебя где-нибудь здесь и похоронят. Без панихиды и покаяния.

Городушкина начало трясти.

- Чего я сделал-то?

- Вот именно, что ничего! Ты почему, пес, не сообщил мне о готовящемся эксе?

- Вы про почту? Дык не знал я ничего! Не наши там были, не деповские!

- А кто?

- Не знаю, ей-богу, не знаю, вот вам крест святой! – Городушкин часто-часто закрестился на купола Никитского монастыря.

- Следы к вам ведут.

– Какие следы?

Помощник исправника достал из кармана муляж бомбы.

– Скажи, есть у вас в депо такие трубы?

Городушкин внимательно осмотрел «бомбу».

– Труба обыкновенная. Трехдюймовка, таких везде полно.

– Где – везде? Где у нас в городе, кроме вашего депо, есть такие трубы? Назовешь хоть одно место, и я покаюсь в том, что тебе в зубы дал.

Городушкин молчал, опустив голову.

– Наша труба, ваше высокоблагородие. Но я знать не знал.

– Чего ты знать не знал?

– Что это для бомбы.

– Ну-ка, ну-ка, рассказывай!

– С месяц назад подошел ко мне Филька Трубицын – письмоводитель со станции. Росли мы вместе. Попросил он меня дать ему кусок трубы. Я спросил зачем, а он сказал – племяннице хочет игрушечное ведро сделать. А у Фильки, ваше высокоблагородие, руки из одного места растут, с самого детства. Ну, я кусок трубы отпилил, две дырки в нем просверлил, под ручку. Вот они, видите. – Городушкин показал на два отверстия. – Проволоки кусок нашел, ручку сделал. Из полешка кругляш выпилил и вместо дна вставил. Филька еще один такой же попросил, мол, на замену, вдруг один потеряется. Потом он в благодарность в буфет меня повел...

– А мне почему ничего не сказал?

– Про что? Про то, как Филькиной племяшке ведро делал?

– Ладно, Городушкин, не сердись на меня. Это я сгоряча. Поможет мне твой сегодняшний рассказ – вознагражу за скулу сторицей. Иди давай, встреча на этом же месте через неделю. Кто про скулу спросит, скажи, на Хлебной, за амбарами, подрался. Ступай!

За время болезни дел накопилось – немерено, по одному настольному реестру бумаг свыше сотни набралось. До обеда Тараканов исполнял бумаги и бегал по городу, занимаясь разными мелкими делами, потом обедал, надевал папкин старый тулуп, наклеивал бороду, которую Кудревич добыл в драматическом кружке при каширской библиотеке, и шел на станцию. Время подгадывал так, чтобы попадать к закрытию присутствия в станционной конторе. Три дня он, проявляя чудеса конспирации, провожал письмоводителя Трубицына до дома. Жил Филипп Иванович в пристанционном поселке, снимал комнату у вдовы Верхоглядовой.

На четвертый день Трубицын после службы домой не пошел, а сел на извозчика и направился в Каширу. Тараканов подбежал к другому «ваньке».

– В город!

Извозчик недоверчиво посмотрел на рваный тулуп Тараканова.

– А есть ли у тебя деньги, мил человек? До города двугривенный с пятачком.

– Есть, не сомневайся. – Тараканов достал из-за пазухи узелок, развязал его и показал «ваньке» рубль.

– Куда в городе изволите?

– На Московскую!

– Московская большая.

– Вези, там покажу.

Пока разговаривали, санки с Трубицыным успели отъехать сажен на пятьдесят. Но потом расстояние между преследуемым и преследователем не менялось: оба извозчика своих лошадей не насиловали, и они бежали небыстрой рысцой. У Успенского собора санки Трубицына остановились, он соскочил и пошел в сторону городского училища. Тараканов похлопал своего «ваньку» по спине.

– Здесь!

Пока Тараканов ждал сдачу, Трубицын успел скрыться внутри помещения. Окна училища были темны, и только в одном, во втором этаже, горел свет.

Тараканов зашел за ограду собора и встал в тени его крыльца. Через полчаса ему сделалось холодно. Он стал прыгать и хлопать себя по бокам, пытаясь согреться. Из школы никто не выходил часа два. Наконец, когда Тараканов окончательно замерз, дверь училища открылась. Первым вышел Трубицын и встал, держа дверь. Из школы одна за другой вышли две барышни, потом два молодых человека. Они пожали друг другу руки, Трубицын и один из молодых людей двинулись вверх по улице, а третий молодой человек и обе барышни пошли вниз.

Тараканов постоял еще пять минут и пошел в управление полиции. Следить за вышедшими из школы не было никакой необходимости, всех этих людей полицейский надзиратель прекрасно знал. Барышни – учительницы Назарова и Медведева, их провожатый – брат Медведевой Василий. Но интереснее всех была личность ушедшего с Трубицыным. Это был коллежский регистратор Нелюбов, почтово-телеграфный чиновник шестого разряда.

8

Производить обыск имел право только классный чин полиции, а таковых налицо было всего два, обыскать же предполагалось по крайней мере четыре жилища.

Организацией обысков занимался Кудревич. Он подрядил двух извозчиков, на которых они с Таракановым и тремя городскими приехали к Верхоглядовой среди бела дня, в то время, когда Трубицын был на службе. Письмоводитель занимал комнатенку в одно окно, в которой из мебели были только кровать и трехногий табурет. Ничего предосудительного у письмоводителя найдено не

было. Оставив в квартире Трубицына одного городского, которому было строго-настрого наказано вдову из квартиры не выпускать, а явившегося со службы письмоводителя арестовать и препроводить в управление полиции, помощник исправника и полицейский надзиратель поехали на квартиру Нелюбова. Тот жил один, даже без прислуги, в собственном доме, доставшемся в наследство от родителей. Приглашенный понятым дворник из соседнего многоквартирного дома с видимым удовольствием сломал дверь. В жилище почтового чиновника результаты обыска были более ощутимы. Кроме разной революционной макулатуры, лежавшей открыто и на шкапе, и на этажерке, в кровати Нелюбова, под матрасом, был найден сверток с трехрублевками на сумму в 900 рублей без малого. Входную дверь заколотили, опечатали, съездили за Нелюбовым в почтово-телеграфную контору и отвезли в полицейское управление. После этого классные чины разделились: помощник исправника, взяв двух городских, поехал к дворянке Назаровой, а полицейский надзиратель со старшим городским Гладышевым и занимающимся в полицейском управлении отставным зауряд-прапорщиком Перегудовым выдвинулись к народной учительнице, крестьянке Ямско-Слободской волости Каширского уезда Тульской губернии Медведевой.

В девичей комнатке учительницы полицейский надзиратель, кроме томика Маркса, испещренного карандашными пометами на полях, ничего не нашел. Брата Василия дома не оказалось.

Когда Тараканов подъехал к полицейскому управлению, то увидел у крыльца Кудревича, который, галантно подав руку, помогал госпоже Назаровой выбираться из санок. В другой руке помощник исправника держал бобровую шубу.

Арестантское помещение при полицейском управлении состояло из двух камер – маленькой дворянской и большой общей, поэтому задержанных сразу же после составления постановлений об аресте отправили в городскую тюрьму. Вскоре туда же был препровожден и Трубицын. При полицейском управлении остался только Нелюбов. Именно он показался Кудревичу наиболее подходящей фигурой для первого допроса. Да и похищенное было найдено именно у него.

Однако почтовый чиновник оказался крепким орешком. Провозились с ним половину новогодней ночи, даже по чарке за новый, 1907 год не пропустили, и все – без толку. Сначала Нелюбов выкручивался, говорил про большой выигрыш в карты, про то, что литературу нашел на улице. Когда же понял, что окончательно заврался и запутался, то просто замолчал.

Потом допрашивали барышень. Медведева заявила, что в стране наступила свобода, цензура отменена и что читать и хранить можно любую литературу. Про ограбление почты она, разумеется, слышала, но кто его совершил, разумеется, не знает и считает весьма странным, почему именно ей задают вопросы по этому поводу. В школе они действительно по вечерам собирались со знакомыми, потому что посиделки дома неудобны. Они пили чай, играли в карты, читали газеты. Проводили время тихо и интеллигентно. Какие к ним по этому поводу могут быть претензии?

Коротко стриженная Назарова, войдя в кабинет, сразу потребовала папиросу, а закурив, сообщила, что она уже составила жалобу на незаконный арест на имя губернатора и отправила ее по инстанции.

Шуба? Да, была у нее бобровая шуба. Откуда у нее мужская шуба? За такие вопросы, милостивый государь, можно получить пощечину. Но она не ханжа, женщина прогрессивных взглядов и поэтому ответит: любовник оставил. Он был у нее в гостях, тут пришел другой ее любовник, первый испугался, выпрыгнул в окно в одном сюртуке и убежал. Нет, фамилий она называть не будет, оба люди семейные, зачем портить им жизнь? И вообще она надеется, что оба господина офицера скоро лишатся своих тепленьких мест. Она все для этого сделает, Государю напишет, она – столбовая дворянка!

За Назарову и правда уже начали хлопотать.

На следующий день в Каширу прибыл извещенный телеграммой ротмистр Кожин.

Жандарм, которого каширские сыщики оторвали от новогоднего стола, был зол как черт.

Распекать каширских стражей порядка он начал, едва поздоровавшись.

– Зачем же было так спешить с арестами? Понаблюдали бы за подозреваемыми, выяснили бы все их связи.

Кудревич резонно возразил:

– А кто бы наблюдать стал? Городовые? Да они так понаблюдали бы, что мы потом вообще бы ничего не нашли!

– Со мной снеслись бы, я бы прислал специалистов.

– В прошлом году я к вам обращался по аналогичному поводу, господин ротмистр. Никаких специалистов так и не дождался.

– Ну, вспомнили прошлый год! Тогда какое время-то было горячее. А сейчас все стихать стало, появились свободные люди. Ну ладно, теперь уж поздно об этом рассуждать. Давайте думать, как нам из созданного вами положения выйти. Почему до сих пор не допрошен Трубицын?

– А ему нам вообще нечего предъявить.

– Да, бомбу ему не предъявишь – придется раскрывать агента, а это последнее дело.

Когда у Кудревича от напряжения разболелась голова, он вышел на крыльцо управления покурить. К крыльцу в это время подошел городской Дедюлин, однофамилец бывшего столичного градоначальника, ведший под руку невзрачного полупьяного мужичонку в драном тулупе.

– Златоустов! Сколько лет, сколько зим, – поприветствовал задержанного помощник исправника. – Ты чего же, дрянь, в суд не являешься? Только не ври, что повесток не получал.

– Врать не буду, ваше высокоблагородие. Матушка говорила про повестки. Только я решил погулять малость перед отсидкой. Ведь за вторую кражу год корячиться! Когда еще придется винишка попить?

Кудревич на секунду задумался.

– Златоустов, а ведь тебя мне сам Бог послал! Или дьявол. Дедюлин, отпусти-ка его. Пойдем, любезный, потолкуем.

После разговора с помощником исправника Златоустова поместили в холодную.

Вечером этого же дня арестант Трубицын из привилегированной дворянской был переведен в общую камеру Каширского тюремного замка. На робкие протесты заключенного дежурный надзиратель сообщил, что Трубицын содержался в дворянской по ошибке, так как, во-первых, ни дворянином, ни чиновником не является (занятие в конторе частного железнодорожного общества не в счет), а во-вторых, после Манифеста 5 октября сего года все граждане империи равны.

Утром, в то время когда сидельцы разыгрывали между собой в тринку сюртучную пару письмоводителя, в камеру завели Златоустова.

Златоустов со всеми поздоровался, а с двумя-тремя знакомцами и поручкался, попил предложенного чаю и тоже сел играть в карты. Увидев на пуговицах поставленного на кон форменного сюртука надпись: «Рязанс. Уральс. ЖД», Златоустов удивился:

– А чей это сюртучок, бродяги?

– Был вон того фраерка, – сказал один из игравших, рябой, лысый арестант, ткнув пальцем в забившегося в угол Трубицына, – а таперича мой.

– А железнодорожник-то за что сюда попал?

– А за почту.

– Иди ты! Этот фраерок такой гранд смастырил? Эй, мил человек, подойди-ка сюда.

Трубицын несмело приблизился.

– Тебя за почту замели?

– Обвиняют. Но я к этому делу непричастен.

– Причастен, непричастен, а плохи твои дела, землячок. Подельщик-то твой, чиновник-почтарь, что в полиции на киче сидит, капнул на вас всех.

– Простите, что сделал?

– Экий ты несмышленный. Я же русским языком говорю, что он всю ночь про ваши дела ментам рассказывал. Я с ним в одной хате сидел, его как вечером увели, так под утро только обратно и возвратили. И привел его не городской, а целый жандармский ротмистр и у порога сказал, что будет ему самое большое от начальства снисхождение.

– А что конкретно этот чиновник полиции говорил?

– Я почем знаю, не слышал. А только с допроса он пришел довольный, видать, обо всем с духами договорился.

– С кем договорился?

– Тьфу ты, совсем бестолковый. С полицией, говорю. Слышь, братва, давай вернем фраерку этому ейный макинтош. Пусть поносит напоследок, а то в хате холодно.

Лысый долго взвешивал на руке сюртук письмоводителя. Расставаться ему с вещами было жалко. Наконец он бросил сюртук и брюки Трубицыну.

– Бери. Грех великий обижать без пяти минут покойника.

– В... в... вы что имеете в виду?

– А ты и впрямь блаженный. На почте же стражника сложили. А по нынешним временам за это веревочка на шею полагается или маслина в голову.

Всю ночь Трубицын не сомкнул глаз. А утром его вызвали на допрос.

Допрашивал какой-то незнакомый офицер в голубом жандармском мундире.

– Филипп Иванович, извольте рассказать мне все, что вам известно об ограблении Каширской почтово-телеграфной конторы, имевшем место девятнадцатого минувшего декабря.

– Мне об этом ничего не известно. Я вообще не по...

– Филипп Иванович, меньше слов. Извините, я тороплюсь, мне засветло хотелось бы в Тулу попасть, я по вашей милости ни одного новогоднего визита еще не сделал. Поэтому разглагольствования о вашей непричастности мне слушать недосуг. Я, с вашего позволения, так и запишу в протоколе: «К разбойному нападению на почту непричастен, кто его совершил, мне неизвестно, более пояснить нечего». Верно?

– Верно, но я хотел рассказать, что я действительно ничего не знаю...

– Так я же так и записал. Вот здесь извольте расписаться, так-с, благодарю. До свидания, я надеюсь, до скорого.

Трубицына отвели в холодную. Он в недоумении сел на нары. Через несколько минут он услышал разговор, доносившийся с улицы через маленькое окошко под потолком камеры.

– Этого завтра тоже присылайте в Тулу. Я думаю до конца недели дознание по этому делу закончить. Показаний Нелюбова и изъятых вещей военному суду за глаза хватит.

Молодой голос спросил:

– Скажите, ваше высокоблагородие, их расстреляют?

– Нет, к Станиславу представят! Расстреляют, конечно, юноша. Ну, дам, скорее всего, нет. Нелюбова, разумеется, тоже, он же с нами сотрудничал. Я обещал ему поговорить с судьями, а обещания свои я всегда выполняю. Я думаю, Нелюбов отделается ссылкой, тем более что непосредственного участия в налете он не принимал. А вот Трубицына шлепнут непременно. Ведь именно он убил стражника. Вы знаете, он хоть и убийца, а мне его жалко, молодой совсем мальчик.

Трубицын бросился на дверь, стал долбить в нее кулаками и кричать: «Я не убивал, я не убивал! Откройте, я не убивал!» С ним сделалась истерика.

– Филипп Иванович, я из-за вас домой, к любимой жене, сегодня не попаду, а вы мне чушь какую-то мелете. Вот вы говорите, что не убивали стражника. А Нелюбов утверждает обратное. А ему я больше верю. Он с самого начала дал признательные показания, рассказал, что это именно он сообщил остальным соучастникам о времени отправки денежной посылки, расписал роль каждого. А вы запирались и продолжаете запираяться. И вы хотите, чтобы я верил вам, а не Нелюбову?

– Ваше высокоблагородие, меня даже в почте не было, да я и стрелять не умею!

– А где же вы были?

– В Пушкинском парке. Смотрел за возчиком.

– Значит, так, Трубицын. От смертной казни вас может спасти только полное и чистосердечное признание. Чистосердечное! Идущее от сердца. Поэтому вы прямо сейчас в мельчайших подробностях должны рассказать мне все, что вам известно относительно этого дела. Все! А я буду сверять ваши показания с показаниями Нелюбова, в искренности которого я не сомневаюсь. И если я увижу, что вы пытаетесь меня обмануть, плохо вам придется. Ну а если я, напротив, почувствую, что вы и впрямь каетесь, даю вам слово: сделаю все для того, чтобы вы получили минимум наказания. Будете говорить?

– Буду!

Через два дня Златоустова доставили к каширскому городскому судье. Несмотря на то что Златоустов судился за кражу второй раз, судья был к нему на редкость снисходительным и назначил минимально возможное наказание – тюремное заключение на три месяца. Приговором Златоустов остался доволен.

Никогда Филя Трубицын не думал, что будет сидеть за политику. Нет, ему как человеку полированному, со средним образованием, были весьма близки идеи всеобщего равенства и братства, он даже кое-что почитывал на эту тему. Но не более того. И надо было Ваське Нелюбову, однокашнику, застать его с одной из таких брошюр в руках. С этого проклятого дня все и началось.

– А ты что же, Филипп, интересуешься?

Захотелось покрасоваться.

– Конечно. Мне кажется, сейчас все настоящие люди должны этим интересоваться. Время-то какое!

– Ты правильно мыслишь. А хочешь, я тебя познакомлю с такими настоящими людьми?

Филя струхнул, хотел отказаться, но товарищ так пристально посмотрел ему в глаза, что он не посмел.

В этот же вечер пошли в городское училище. Там он и встретил Олечку.

Все время, пока пили чай, она стреляла в него глазками, а после попросила помочь ей помыть чашки. Когда проходили темным коридором на кухню, Олечка неожиданно остановилась, повернулась к нему лицом и... схватив своими пальчиками за мужское достоинство, жадно стала его ощупывать. Результатом барышня, видимо, осталась довольна, потому что после чаепития велела проводить ее до дома.

А дома! Олечка вытворяла такое... Ему и в голову никогда не могло прийти, что мужчина и женщина могут любить друг друга такими причудливыми способами. Правда, и опыт-то был минимальный.

С того дня он был готов на все, лишь бы только видеть Олечку.

Компания обычно собиралась одна и та же: Олечка, ее коллега и зазноба Нелюбова Шурочка Медведева, Шурочкин братец Васька, ну и сам Нелюбов, будь он неладен! Пили чай, играли в карты, говорили пламенные речи. В середине осени в их компании появились новые лица: московские знакомые Нелюбова «товарищ Степан», рабочий одного из многочисленных столичных заводов, и пожилой (лет сорок ему с лишком, ваше высокоблагородие!) мужчина, которого все звали «товарищ Андрей». Несмотря на возраст москвича, Олечка, которой Трубицын к этому времени уже совершенно надоел, сразу же переключилась на товарища Андрея, но с ним у нее почему-то не заладилось. Вывод такой Филька

сделал, видя, как страдает его подруга. Она могла наговорить товарищу Андрею дерзостей, а через пять минут – сесть рядом, собственноручно налить ему чаю, положить самый лучший кусок пирога и тут же опять начать дерзить. Пару раз Филька даже видел, как Олечка плакала в темной кухне. К Трубицыну она совершенно охладела и приказала дома у нее не появляться.

Страдал и сам Филипп. Правда, недолго. Его крестьянский ум подсказывал, что не пара ему такая баба, не будет с ней никакой жизни, а беды не оберешься. Филька хоть и был молод, но уму своему уже больше доверял, чем сердцу. Но иногда, преимущественно по ночам, почему-то тяжело вздыхал, ворочаясь на своей постели.

Об «эксе» заговорили московские, заговорили не сразу, а вначале вскользь, издалека. Мол, много товарищей сидит по царским тюрьмам, им помощь нужна – и покушать купить, и сатрапам царским денег дать, чтобы не слишком зверствовали. А тем товарищам, которые на свободе, еще больше нужно – оружие, типографии, динамит, все денег стоит. А где эти деньги взять? Не отбирать же последнюю копеечку у трудового народа! А из казны – грех не забрать, все равно все казенные деньги разворовываются. Вот, к примеру, налоги. Собирают их, дерут с крестьянина и мещанина три шкуры, а как соберут, отошлют в губернию или в столицу, то там они словно в воздухе растворяются. Только не в воздухе, а в карманах воров высокопоставленных.

У компании не было никаких возражений относительно справедливости вышеназванных тезисов. А Нелюбов обмолвился, что через его почту огромные деньги проходят, особенно в конце года. После этого разговор стал совсем конкретным.

Распределили роли. Непосредственно экспроприировать должны были люди опытные, знакомые с оружием, в число коих Трубицын не входил. Порешили, что на почту пойдут товарищ Андрей, товарищ Степан и Васька Медведев. На вопрос последнего о том, не мало ли народа, товарищ Андрей ответил, что в подкрепление придут и другие товарищи. Нелюбов должен был узнать день, в который в Тулу увозили денежную посылку, и сообщить товарищу Андрею. Поскольку жить москвичу в Кашире было неудобно – слишком на виду, Нелюбов получил задание, узнав про посылку, сразу же сообщить о ней Трубицыну, а тот со станционного телеграфа должен был отбить телеграмму следующего содержания: «Бабушка приезжает такого-то числа в такое-то время, встречайте». Телеграмма адресовалась в Москву, на главную телеграфную

станцию, на имя Луки Ивановича Тарасова. Самому Нелюбову с почты такую телеграмму отправить нельзя было, стали бы потом жандармы проверять, вмиг бы догадались!

«А вот здесь мы оплошали. Ничего не проверили», – с досадой подумал Кожин.

Трубицыну же товарищ Андрей приказал изготовить из полена муляж бомбы.

– Я сначала сам хотел, но после того, как топором чуть палец себе не отрубил, пошел на поклон к дружку – Гаврюхе Городушкину. Он в депо слесарит. Попросил я Городушкина из отрезка трубы сделать ведро детское, якобы для племяшки, ну он и сделал, за угощение. Я потом это ведро до ума довел: сверху заткнул да покрасил. Но про почту Городушкин ничего не знал, честное слово!

– Проверим мы этого Городушкина, если невиновен, ничего ему не будет, не беспокойтесь. Дальше рассказывайте.

Восемнадцатого Нелюбов прилетел к нему на извозчике в час дня. «Быстрее, говорит, Филипп, отбивай телеграмму. Завтра в полшестого будет посылка, я подслушал разговор почтмейстера с исправником». Трубицын телеграмму отбил, а вечером прибыл в школу на совещание. Там все уже были в сборе. Был и незнакомец – белокрысый такой господин, на вид из интеллигентных.

– Я его, кстати, ваше высокоблагородие, у нас в депо весной несколько раз встречал.

Кожин порылся в папке с дознанием и достал фотографию Волкова.

– Он?

Трубицын близоруко прищурился.

– Он, ваше высокоблагородие!

– Дальше, дальше, Трубицын.

– На совещании каждый получил свое задание. Как и договаривались, экспроприировать должны были товарищ Андрей, Степан, Медведев и белобрысый. За пять минут до нападения Степан под предлогом отправки телеграммы должен был зайти на почту и убедиться, что из полиции там один стражник. Бомбу доверили белобрысому. Товарищ Андрей, кстати, меня за бомбу похвалил. – Трубицын спохватился, что сказал лишнее, но потом махнул рукой и продолжал рассказ.

Ему поручили идти в половине пятого в Пушкинский сквер и прохаживаться там возле елочки. После приезда туда саней Трубицын должен был проверить, не привел ли возчик с собой полиции, по Дворянской пройти к почте и дать нападавшим знак о прибытии возчика, потом вернуться в парк и продолжать наблюдать за санками до прихода туда товарища Андрея.

Перед нападением всем следовало загримироваться и нацепить накладные бороды. Медведеву, единственному из компании, которого могли узнать почтари, кроме того, товарищ Андрей выдал очки с синими стеклами.

Товарищ Степан разъяснил всем важность момента.

– Деньги завтра же должны быть в Москве. Нам удалось договориться о побеге нескольких наших товарищей, приговоренных к смертной казни. Но для этого не позже чем завтра мы должны передать деньги их тюремщикам. Опоздаем – наших товарищей ждет смерть. На каждом из нас лежит ответственность за их жизни! Никто не должен подвести.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Эксами (от слова «экспроприация») в период первой русской революции называли разбойные нападения, доход от которых шел (или должен был идти) на революционные нужды.

2

Машиной раньше называли поезд.

3

Прибор – элементы форменного обмундирования: пуговицы, погоны, звездочки на них, герб губернии на фуражке или шапке.

4

Исправнику на воротник мундира полагалось две петлицы, его помощнику – одна.

Купить: https://tellnovel.com/ru/pogonin_ivan/gospodin-nachal-nik

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)